

„Изъ моей тетради“

С. В. Милицынъ

(Послѣдніе дни Преображенскаго полка)

Іюнь 1917 года

Я все еще не могу осмыслить революціи. Въ головѣ засѣли слова: «одни поторопились придти, другіе ужъ очень поспѣшили уйти». Я ждалъ перемѣнъ. Старый строй становился невыносимымъ. Ну, а теперь? Развѣ каждый толковый русскій человѣкъ не вправѣ задать вопросъ: Куда мы идемъ? А другіе вопросы . . . Напримѣръ: зачѣмъ нашъ министръ Керенскій все время топчетъ въ грязь престижъ Временнаго Правительства? Зачѣмъ онъ такъ часто твердитъ толпѣ, что онъ одинъ только социалистъ въ кабинетѣ, что онъ тамъ находится, какъ заложникъ и какъ контролеръ. Вѣдь отсюда такъ легко сдѣлать выводъ, что остальные члены кабинета неблагонадежны, настроены противъ народа, что имъ вѣрить нельзя.

Наша юрпсконсультская часть ворчитъ. Такъ всѣ хотѣли работать надъ укрѣпленіемъ новаго строя. Но какой же это строй, когда Министръ Юстиціи и Генераль-Прокуроръ Республики всѣмъ истерично выкрикиваетъ, что Временное Правительство должно быть взято подъ надзоръ черни. Мнѣ кажется, что Керенскій сказался весь при первомъ посѣщеніи министерства. Онъ, говорятъ, вбѣжалъ, пожалъ руку швейцару и нашему Сигизмунду и пренебрежительно бросилъ: «Ну что, чинушки еще не пришли?» Наши сторожа сразу перемѣнили свой тонъ, тоже онъ продѣлываетъ и по отношенію своихъ коллегъ по кабинету. Что это? Планъ или недомыслие?

Да. Нужно что то дѣлать, иначе крахъ. А что? Вотъ который уже разъ задаю этотъ вопросъ и все же продолжаю тянуть министерскую лямку, участвуя въ этой неразберихѣ.

Нѣтъ, сегодня пужно рѣшить.

Оглянулся. Кажется, я только одинъ остался на Елагиномъ. Всѣ уже разбрелись, ночь проходила. Прощальная бѣлая ночь. Взморье вѣяло влагой и чуть-чуть лизало берегъ, кругомъ было пустынно и тихо.

Пошелъ и я.

Городъ еще не спалъ. На Каменностровскомъ и у Троицкаго моста стояли еще группы углубляющихъ революцію. И когда они спятъ? Я уже не спрашиваю: Когда работаютъ? Нѣтъ, спятъ то когда? И все одни и тѣ же вопросы: воевать или не воевать, и требуется ли эту самую революцію углублять?

«Углубляй, углубляй ее, пока не зароешь, что ей и не вылѣзть будетъ» — вспомнилъ я слова какого-то гражданина Республики, оброяеннаго на летучемъ митингѣ около Екатерининскаго сада.

Ну, а всетаки, что же дѣлать? Брошу все и пойду въ армію.

Я давно объ этомъ думалъ, но какъ-то не додумывалъ. Рѣшилъ и стало легче, даже радостно. И планы начали рождаться въ утомленной головѣ.

Подойти къ солдатской средѣ, слиться съ ней и попробовать на нее воздѣйствовать. У насъ у всѣхъ въ крови болѣзненная тяга къ народу.

Итакъ рѣшено. Первый день новой жизни. А онъ нарождался такой яркій и красивый. Тамъ далеко, у грани домовъ небо уже пылало, зажженое близкимъ, но еще невидимымъ солнцемъ. Горищее золото поднималось все выше и выше. Вотъ оно сейчасъ захватить и расплавить неподвижно застывшіе клочки лиловатыхъ облачковъ. Небо быстро свѣтло зеленѣло. Только Нева еще темная, но и она мѣстами уже отливала синевой рѣдкихъ сапфировъ. Какъ красива эта рѣка въ раннее утро!

Любуюсь. Смотрю на стройный рядъ дворцовъ, оживающей Лѣтній садъ и на далекія деревья заброшеннаго сада Михайловскаго дворца. Какое это мрачное мѣсто! Проклятье времени повисло надъ нимъ.

Удивительно много было совпаденій въ этотъ день.

Въ министерствѣ я рѣшительно заявилъ, что ухожу въ полкъ. Начальство не возражало, только поставило условіемъ, чтобы я не прерывалъ работъ въ совѣщаніяхъ, куда я былъ командированъ представителемъ отъ министерства и чтобы я исполнялъ нѣкоторыя текущія дѣла. Завтра обо мнѣ будетъ сдѣланъ докладъ товарищу министра Зарудному. Сослуживцы къ моему шагу отнеслись снисходительно-насмѣшливо.

«Донъ-Кихотство, дорогой мой» сказали мнѣ Н. П. Р. «Сдѣлать тамъ ничего не сдѣлаете, только нервы себѣ испортите, да какой-нибудь мерзостью заразитесь. Солдаты распоясались, митингуютъ и сѣмечки жрутъ. Самое меньшее — они васъ вышибутъ, тутъ, батенька, нужна желѣзная дисциплина. Палка, и больше ничего.»

«А что здѣсь дѣлать? Мы вѣдь на сучкѣ сидимъ.»

«Ну, кто какъ», сострилъ Р.

Скоро я долженъ былъ идти на совѣщаніе, образованное подъ предсѣдательствомъ С. А. Котляревскаго для обсужденія общихъ вѣроисповѣдныхъ вопросовъ, поставленныхъ на очередь происшедшимъ измѣненіемъ государственнаго строя.

Я вышелъ изъ министерства и наткнулся на манифестацію офицерскихъ депутатовъ съ фронта. Шли къ Казанскому собору. Шли стройно. Какія лица! Загорѣлыя, исхудалыя, видно много выдавшія. Какія-то особенныя морщины заботливости. Я смѣшался съ толпой и простоялъ весь чинъ панихиды по павшимъ воинамъ. Слышалъ оригинальное слово священника съ фронта. Видъ у него тоже особенный: коротко остриженъ, безъ бороды. Говорилъ онъ голосомъ обыкновеннаго оратора. Послѣ панихиды говорилъ мѣстный протоіерей Орнатскій, но уже съ интонаціями и выговоромъ, принятымъ для церковныхъ проповѣдниковъ, и по-моему это портило проповѣдь.

Неужели и этотъ день есть шагъ къ гибели?

Совѣщаніе было назначено въ залѣ совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Проходя по Екатерининскому саду, я увидѣлъ Л. І. Петражицкаго. Онъ сидѣлъ противъ памятника. Я такъ и бросился къ нему.

«Помните, г. профессоръ, я писалъ . . .»

«Какже, какже. Я васъ сразу по голосу узналъ.»

Разговорились. Л. І. тоже шелъ на совѣщаніе, было еще рано и мы остались сидѣть въ саду. Говорили о состояніи Россіи. Онъ былъ полонъ мрачныхъ предчувствій. У меня особенно въ памяти его страдальческія слова: «ночей не сплю. Все мысль работаетъ. Вѣдь гибнетъ русское государство . . . И какъ это русскіе могутъ заниматься своими дѣлами! Я полякъ, мнѣ все равно . . . но не могу. Мучаюсь.»

Онъ сжималъ мучительныя складки, эти морщины думъ, словно хотѣлъ изъ головы, мозга изгнать эти думы.

Эти слова дорогого для меня человѣка еще болѣе укрѣпили мое намѣреніе идти въ полкъ.

Совѣщаніе оказалось очень интереснымъ. Участвовали такіе люди, какъ Петражицкій, Кони, Карташевъ, Кузьминъ-Караваевъ, Маціевичъ . . .

Вечеромъ видѣлся съ полковникомъ Ш., капитаномъ Н. Они поздравили меня съ поступленіемъ въ ихъ полкъ. Раздобыли вина и весело провели время на Караванной, и затѣмъ въ квартирѣ Б., бывшаго присяжнаго повѣреннаго, а теперь товарища прокурора Петербургскаго суда и приближеннаго Керенскаго. Возвращаясь домой, я на углу Невскаго и Михайловской оказался свидѣтелемъ забавной сценки.

Стояла кучка спорящихъ: нѣсколько солдатъ, бабы и какой-то интеллигентъ въ соломенной шляпѣ.

Онъ горячо и толково доказывалъ необходимость продолженія войны. Стоявшій противъ него высокій солдатъ все время ему поддакивалъ, и какъ только тотъ кончилъ, солдатъ быстрымъ движеніемъ руки сдвинулъ свою фуражку, скрестилъ руки и съжившись въ сторону оратора, оалобленно заговорилъ:

«Такъ, такъ, воевать говоришь надо. Такъ. Вотъ мы три года воевали, въ окопахъ мерзли и мокли. А почему ты, шляпа, не воевала? Ты здоровый и годы у тебя призывные, гдѣ же ты былъ? Не подарки ли на фронтъ возилъ, да у солдатъ георгиевскія медали отбивалъ. Много васъ такихъ видали. Почему не воевалъ?»

«Да я еще пойду» — смущенно оправдывалась шляпа.

«Врешь, не пойдешь. Языкомъ трепать будешь. Много васъ такихъ . . .»

Бабы смѣялись и поддакивали. Не знаю, какъ онъ отъ нихъ отдѣлался.

Эта стычка на меня произвела впечатлѣніе и многое сказала.

Июль

Наконецъ, я оправился. Такъ и не знаю, что за болѣзнь была у меня. Геярихъ Ивановичъ назвалъ тифоидомъ. Пусть будетъ такъ.

А какой день! Тихій, жаркій. Первый день, когда тяготитъ платье. Песокъ нагрѣлся и жжетъ поги. Море густо переливается, какъ расплавленный свинецъ.

Хорошо здѣсь у Финскаго залива, но неудержимо тянетъ въ Петербургъ. Въдѣ тамъ многое произошло. Ликвидировано вооруженное выступленіе большевиковъ. Власть такъ и лѣзла въ ротъ Керенскому. Только пользуйся и доканчивай начатое.

Нѣсколько дней живу въ Петербургѣ. Впечатлѣнія нерадостныя. Преображенцы бранятъ Керенскаго за то, что онъ не учелъ, какъ слѣдуетъ событія 3—5 іюля, не сумѣвъ воспользоваться свалившеюся на него властью. Ему въ вину ставятъ освобожденіе большевиковъ и увольненіе генерала Половцева. Думаютъ, что послѣдній уволенъ только потому, что Керенскій испугался начавшей расти его популярности.

«Ну, а смогъ бы Половцевъ ликвидировать Керенскаго и Керенщину?»

Т. улынулся и ничего не отвѣтилъ.

«Не преждевременно ли объ этомъ думать?»

«А когда же по вашему? Когда окончательно разложится армія и погибнетъ дисциплина?»

Августъ

Опять сталъ посѣщать совѣщанія. На одномъ изъ нихъ — по единовѣрческимъ дѣламъ — представитель Московскихъ поморцевъ, Онуфриевъ проектировалъ предоставить совѣту поморской церкви право издавать обязательныя постановленія для Христіанъ этой общины. Вотъ яркій примѣръ правоваго вырожденія, результатъ полицейскаго строя, гдѣ такъ охотно законы замѣняли обязательными постановленіями. Съ такимъ политически извращеннымъ населеніемъ далеко не ускачешь.

У Земеля столкнулся съ Б. В. С. Растались мы студентами, а встрѣтились — онъ управляющій военнымъ министерствомъ, а я вольноопредѣляющійся гв. преобразовскаго полка. Онъ серьезенъ и почти важенъ. Рассказывалъ, какъ его одолеваетъ разные просители. Въ комичныхъ тонахъ онъ передалъ свой разговоръ съ вдовой вице-адмирала Макарова.

«Она мнѣ нѣсколько разъ повторила: я вдова вице-адмирала Макарова, а я свое: сударыня не могу.»

По уходѣ его мнѣ С. С. шепнула: «Тутъ недоразумѣніе. Макарова, какъ я слышала, способствовала его освобожденію. Она видимо на это ему и намекала.»

Полкъ выступаетъ на Корниловскій фронтъ. Будущее загадочно и тревожно. Весь день страшный вѣтеръ. По небу полаутъ аловѣщія тучи. Тамъ тоже полчища и наступленіе.

А вдругъ? Боюсь вѣрить.

О тяжелыхъ переживаніяхъ послѣднихъ дней мнѣ не хочется писать. Да и что писать? Я совершенно не анаю тайны происшедшаго. Что это? Игра въ провокацію, или преступная попытка Керенскаго на чужой крови обновить свою популярность? Ничего не понимаю.

Сентябрь

Постепенно втягиваюсь въ казарменную жизнь. Сначала я былъ зачисленъ въ пятый, затѣмъ третій и наконецъ въ четвертый взводъ 10-ой роты. Рота ата очередная на фронтъ. 9-ая только что ушла. Каждый день встаю въ 7 часовъ. Въ 9-мъ у насъ молитва и повѣрка, затѣмъ до 11 строевыя занятія. Объединенный перерывъ до 2-хъ часовъ и опять занятія до 4—5 часовъ. Во всемъ Петербургѣ, кажется, только мы и занимаемся. Нѣсколько разъ были на Марсовомъ полѣ, производили атаки и перебѣжки. Отношеніе солдатъ сносное и даже хорошее. Никакой грубости, никакого вѣрства я не замѣчаю. Одно неприятно — это матерщина. Ругаются при всякомъ поводѣ и безъ повода. Это даже не брань, а манера выражаться. Къ политическимъ вопросамъ равнодушны. Мало ихъ трогаютъ и вопросы о судьбѣ родины. Можетъ быть они увѣрены въ ея безопасности. Сравнивая солдатъ съ чиновниками, я прихожу къ заключенію, что они въ своемъ равнодушіи къ судьбѣ Россіи, совершенно одинаковы. На первомъ планѣ свои интересы, свое корыто.

Рота наша состоитъ главнымъ образомъ изъ бѣлобилетчиковъ. Вольноопредѣляющихся только трое. Есть нѣсколько интеллигентовъ: присяжный повѣренный фонъ-Денъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго Муйжнекъ, младшій дѣлопроизводитель кредитной канцеляріи Кречинъ, банковскій служащій Минквицъ, студентъ Бушъ и Кашинъ. Нѣкоторые изъ нихъ мнѣ прямо заявляли, что имъ противно бывать въ казармѣ. По-моему солдаты это чувствуютъ и какъ-то особенно недоброжелательны именно къ этимъ изъ моихъ новыхъ знакомыхъ.

Вотъ уже нѣсколько дней въ ротѣ царитъ оживленіе. Наши интеллигенты организовались и рѣшили добиться перевыборовъ ротнаго комитета. Главнымъ козыремъ въ ихъ борьбѣ является обвиненіе стараго комитета, что онъ до сихъ поръ не выхлопоталъ анмвнго обмундированія, и ничего не сдѣлалъ въ культурно-просвѣтительномъ отношеніи для солдатъ. Ежедневно въ 3-мъ взводѣ устраиваются послѣ повѣрки ротныя собранія. Муйжнекъ уже нѣсколько разъ выступалъ. Изъ его рѣчей я унаалъ, что онъ социалистъ-революціонеръ и сидѣлъ при царскомъ режимѣ въ тюрьмѣ. Такимъ образомъ шансы на набраніе у него несомнѣнно есть. Денъ предсѣдательствуетъ на собраніяхъ и очень удачно. И голосъ, и фигура и спокойный тонъ какъ разъ ему даны для предсѣдательства. Онъ тоже, конечно, будетъ избранъ.

Изъ-за этихъ собраній совершенно забросили строевыя занятія, чѣмъ очень недоволенъ ротный командиръ Осадчій.

«Ну-съ вотъ и мы въ разговоры пустились. Такъ къ фронту не подготовимся какъ-то онъ съ горечью вамѣтилъ. Его успокаиваютъ, увѣряя, что новый комитетъ явится ярымъ для него помощникомъ для проведенія дисциплины и занятій.»

Выборы состоялись. Муйжнекъ, Денъ, Минквицъ прошли первыми по числу голосовъ. Далѣе прошли солдаты. Въ результатѣ Муйжнекъ оказался председателемъ комитета, а Денъ членомъ и секретаремъ ротнаго суда.

«Образованные теперь устроились, ни въ наряды, ни на занятія ходить не надо» — острили у насъ въ взводѣ солдаты.

«Удивительно, какъ они не любятъ варядовъ.»

«А видѣли когда-нибудь, чтобы они казармы убирали?»

«За бѣлымъ хлѣбомъ такъ первые, а какъ взводъ мести, такъ утекаютъ.»

«Ничего, еще заставимъ.»

Все это я слушалъ и принималъ къ свѣдѣнiю. Въ первую же субботу (у насъ взводъ убирался по субботамъ) я уговорилъ Буша заняться уборкой, но какъ только мы взялись за метла, подошелъ солдатъ Виноградовъ и вырвавъ у меня метлу, сказалъ: «не ваше это дѣло. Ужъ дайте намъ, мы уберемъ». Мы охотно уступили. А въ слѣдующую субботу тотъ же Виноградовъ заставилъ Кречина убирать взводъ. Вотъ тутъ и разбирайся.

Второй день обсуждаемъ на общемъ собранiи роты сочиненную Деномъ инструкцію для ротнаго суда. Солдаты стараются понять написанное, но видимо плохо. Говорятъ только интеллигенты.

Открыли клубъ. Значитъ, танцевать будемъ, а строевыя занятія все еще не возобновились. Осадчiй ходитъ хмурымъ и видимо что-то замышляетъ.

Какъ то подошелъ ко мнѣ и спросилъ: «Ну что скучно?»

«Да. Хорошо бы на Марсово поле сходить.»

«Скоро я опять возьмусь.»

Наконецъ намъ новичкамъ дали винтовки. Мнѣ попала съ № 17 000. Стало веселѣе, дѣльные дни возимся съ ними, разбираемъ, чистимъ и изучаемъ отдѣльныя части.

Осадчiй снова за насъ взялся. На дняхъ неожиданно послѣ повѣрки онъ выкликнулъ по особому списку человекъ сто изъ роты и сказалъ, чтобы изъ названныхъ никто не отлучался. Я тоже значился въ этомъ спискѣ. Начали гадать. Одни увѣряли, что мы войдемъ въ маршевую роту, другiе, что насъ пошлютъ на охрану финляндскаго побережья. Въ дѣйствительности же оказалось совсѣмъ иное. Часть зачислили въ команду пѣшихъ развѣдчиковъ и отправили въ Красное Село. Другихъ откомандировали на телефонные курсы, а насъ остальныхъ повели на учебную стрѣльбу. Я выпустилъ три пули. Одна попала въ мишень, другая въ щитъ и только третья «поѣхала за молокомъ», какъ говорятъ солдаты. Мое попаданье — простая случайность. Я почти не цѣлясь, выпустилъ всѣ три пули. А Бушъ, хорошiй охотникъ, и долго бралъ на прицѣлъ и ни одной не попалъ.

На обратномъ пути въ казармы произошелъ неожиданный обмѣнъ мнѣнiй. На углу Спасской и Надеждинской мы остановились отдохнуть и покурить. Улицы были грязны и вотъ, когда мы кучкой стояли, мимо насъ пролетѣлъ автомобиль и окатилъ грязью — въ особенности отдѣльнаго Соловьева.

«Фу ты чортъ! И когда же мы избавимся отъ буржуевъ. И свободу мы завоевали и революцію устроили, а все въ рожу грязью плюютъ.»

«А ты что отъ свободы то получилъ? Солдатъ былъ, имъ и остался. Только что товарищемъ стали называть. На фронтъ — ты иди. Внутри что спасать — ты же. Вотъ хоть взять въ нашей образованныхъ, изъ господъ то, они все наверху. Какъ полавки, сколь не топи, все наверхъ выскочать.»

«А забылъ, что намъ жалованье увеличили. Теперь пять цѣлкахей въ мѣсяцъ заколачиваемъ.»

«Чего смѣешься! А тебѣ на даровыхъ то хлѣбахъ сколько еще надо? Сразу, братъ, ничего не дается, ноу ужъ тѣмъ хорошо, что при умѣ ты можешь всего достигъ. Пути тебѣ не заказаны. Раньше тебя забивали. Того не смѣй, этого не смѣй, туда не суйся. А ноу ты воленъ свою ливiю вести.»

«Ну ка поведи.»

«И поведу, и никто мѣшать не смѣетъ.»

«А слышалъ ты, что большевики говорятъ?»

«Ну?»

«Мы должны все въ свои руки ваять. И землю, значить, и фабрики и капиталы.»

«А какъ на счетъ автомобилей?»

«Чего ты зубоскалишь?»

«Я тебя въ серьезъ спрашиваю. И чего обижаешься.»

«И автомобили конечно. Что-жъ ѣздить развѣ не сумѣемъ. Еще какъ развалимся.»

«И другихъ грязью забрасывать будемъ?»

«Колн кто подвернется.»

Октябрь

Я окааался оторваннымъ отъ роты. Меня и другихъ юристовъ откомандировали въ военно-окружной судъ для защиты подсудимыхъ. Я впервые столкнулся съ институтомъ присяжныхъ засѣдателей при военныхъ судахъ. Вотъ крайне жалкая и неудачная реформа, а главное ненужная. Ея, кажется, никто не просилъ и не требовалъ. Почему она проведена? Не по соображеніямъ ли чисто програмнаго характера и либеральной моды? Я всегда былъ сторонникомъ суда присяжныхъ, но не могъ не соглашаться съ нѣкоторыми доводами противъ этого института нѣмецкаго ученаго Теринга. Каними бы онъ сверкнулъ сарказмами, еслибы при его жизни въ какой-нибудь странѣ додумались до учрежденія присяжныхъ засѣдателей при военныхъ судахъ. Въ самомъ дѣлѣ! Давать перевѣсъ бытовымъ и инымъ соображеніямъ надъ требованіями закона тамъ, гдѣ все держится строгой, неумолимой дисциплиной — развѣ это не недоразумѣніе? Да еще давать это во время начавшагося разложенія арміи!

Дни, проведенные въ судѣ, были для меня самыми тягостными за это время. Я слабѣлъ физически и морально. Меня тянуло въ роту, и я буквально отдыхалъ только тамъ. Вечерами въ назармѣ бывало тихо и уютно. Солдаты сидѣли кучками, обыкновенно около печекъ. Нѣкоторые читали, или учили уроки. Въ нашемъ взводѣ трое посѣщали гимназическіе курсы на Кирочной. Карты не были въ модѣ; боялись Осадчаго. Иногда впрочемъ картежники рисковали собираться въ уборной. Но и туда налеталъ ротный и «урезонивалъ».

Въ послѣдніе дни все чаще и чаще стали поговаривать о готовящемся выступленіи большевиковъ. Нѣкоторые изъ нашего взвода были на собраніяхъ и вынесли впечатлѣніе, что выступленіе неизбежно. Я вслушиваюсь въ разговоры, расспрашиваю и прихожу къ убѣжденію, что среди нашихъ солдатъ почти нѣтъ сторонниковъ большевизма. Но и за Временное Правительство они не пойдутъ. Имя Керенскаго слишкомъ ненавистно. Странно, ему въ особенности ставятъ въ вину, что онъ спитъ на царской кровати. Объ этомъ кто то пустилъ сплетню, и она попала въ цѣль. Если авторъ этой сплетни учитывалъ психику солдата, то онъ несомнѣнно тонкій психологъ. Хотя русскій солдатъ и сталъ товарищемъ и гражданиномъ республики, но въ тайникахъ души у него еще сохранилось испуганное обаяніе нѣкоторыхъ предметовъ и символовъ. Конечно, я говорю не о всѣхъ. Есть и много отъявленныхъ мерзавцевъ среди солдатъ, для которыхъ ничего святого и запретнаго нѣтъ. Я имѣю въ виду преображенцевъ, которыхъ знаю. И я увѣренъ, что ни одинъ изъ нихъ не рѣшился бы осквернить кровать Александра III. «А Керенскій, говорятъ, на ней валяется.» И солдаты негодуютъ. «А можетъ самъ въ цари мѣтить». Сплетни своего достигла.

«Юнкерами, бабами себя окружилъ. Намъ видно не довѣряеть» — эти фразы я уже нѣсколько разъ слышалъ. Я пробовалъ говорить съ нѣкоторыми изъ болѣе вдумчивыхъ солдатъ. И что же? Они также не склонны защищать Временное Правительство. «Но вѣдь тогда у власти Ленинъ и компанія?»

«А развѣ хуже будетъ?» спрашивали они меня. Я имъ объяснялъ, но они мало, повидимому, мнѣ вѣрили и часто отдѣлывались фразой: «Не посмѣютъ они этого сдѣлать.»

Таковъ былъ отвѣтъ на всѣ мои указанія на послѣдствія торжества большевиковъ. Я подѣлился своими впечатлѣніями съ нѣкоторыми изъ кадровыхъ офицеровъ. У нихъ только одно желаніе — удержать полкъ отъ выступленія. А тамъ будущее покажетъ какъ дѣйствовать.

Зашелъ какъ-то въ Министерство. Тамъ большое оживленіе. Оказывается поднять вопросъ объ эвакуаціи министерства въ Москву. Работаетъ особая комиссія для выясненія и опредѣленія нормъ пособій. У насъ уже составленъ списокъ лицъ, которыя должны получить пособія.

Сегодня съ трудомъ пробрался въ казармы. Всѣ подступы на Дворцовую площадь заняты Павловцами. Въ казармахъ оживленіе. Скоро Павловцы пойдутъ въ атаку на Дворецъ. Осадчій и комитетъ противъ выступленія. Меня скоро послали на Кировую. Когда я подходилъ къ Литейному, услышалъ винтовочные залпы и таканье пулеметовъ. Значитъ началось.

Переворотъ совершился. Преображенцы всетаки выбѣжали, но участія не принимали. Такъ увѣрили очевидцы. Пострадалъ изъ Преображенцевъ одинъ только Ивановъ, членъ нашего комитета, и то не отъ пуль, а отъ матросскаго приклада. Оказывается, юнкера были отведены въ залъ нашей учебной команды, и вотъ, когда завоеваніе дворца свершилось и побѣда была вполне одержана, Ивановъ сталъ юнкеровъ группами выпускать на свободу. Объ этомъ какъ-то узнали матросы, явились въ казармы и побили Иванова. Преображенцы къ стыду своему его не отстояли.

Жуткіе дни. Городъ полонъ слуховъ о кровавыхъ расправахъ большевиковъ съ юнкерами и женщинами изъ батальона смерти. Неистовствуютъ матросы и красногвардейцы. Первые и съ виду-то звѣри. Особенно противное впечатлѣніе у меня осталось отъ трехъ матросовъ, которыхъ я встрѣтилъ на углу Невскаго и Садовой. Они конвоировали юнаго, черненькаго, небольшого артиллериста-офицера. Онъ шелъ гордо, руки за спиной, съ презрѣніемъ къ своей стражѣ. Я не вытерпѣлъ, сошелъ съ панелли и откозырялъ ему. Одинъ изъ матросовъ посмотрѣлъ на меня пьяными, заплывшими глазами и что-то грубое пробормоталъ, похожее на «брысь».

Грязные звѣрскіе люди, а вѣдь и они когда то были чистыми дѣтьми, вѣрующими и любящими. Что и кто ихъ сдѣлалъ звѣрьми, жадными къ чужой собственности и жизни? Кто-то соблазнилъ, но кто-то не замѣтилъ этого и не помѣшалъ. Кто же въ этомъ болѣе виноватъ?

Ноябрь и Декабрь

Были цѣлые сутки въ караулѣ въ б. Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Всего насъ было 12 человекъ. Изъ нашего взвода я и Лукьяновъ. Разговоръ сразу завязался на политическую тему. Началь Аршанскій.

«Слышали новость? Крыленко издалъ приказъ о правѣ представителей полковъ заключать перемиріе и представлять договоры на утвержденіе совѣтской власти?»

«Что же! Значитъ сколько полковъ, столько и мирныхъ договоровъ? Украинскій полкъ заключитъ одинъ миръ, Великорусскій другой и такъ далѣе. Да и дѣйствителенъ ли приказъ Крыленко для украинскихъ частей?»

«Ему это наплевать. Ему одного нужно — заключайте миръ и справляйтесь со своими начальниками. Вотъ прапорщику, что нужно.»

«Ерунды еще много будетъ», мрачно замѣтилъ Мироненко.

«Наобѣщали то они много. Ну дураки и повѣрили. Все горе наше въ томъ, что въ Россіи дураковъ много, довѣрчивыхъ, темныхъ много», не унимался Аршанскій.

«Вотъ они тутъ крутить, а отвѣчать народу придется», тихо съ потной груди вставилъ Лукьяновъ.

«А ну ихъ къ чорту. Давайте лучше чай пить. Чья очередь за кипяткомъ?»

Пошелъ Аршанскій и я. Мнѣ можно было и не идти, но захотѣлось поближе познакомиться съ Аршанскимъ. Я не раскаялся. Онъ ярый противникъ большевиковъ, по убѣжденіямъ социаль-демократъ. Аршанскій — Витебскій еврей, много въ жизни скитался и терпѣлъ. Въ ротѣ у него есть сторонники и такимъ образомъ одна противобольшевистская группа готова. Онъ тоже того мнѣнія, что у насъ въ ротѣ большевиковъ нѣтъ.

Карауль нести было легко. Съ вечера мы долго не спали и все разговаривали. Много я наслушался интереснаго въ эту ночь. Еще разъ я увидѣлъ, что мы чиновники и интеллигенція просмотрѣли народъ. Отъ насъ многое ускользнуло, а главнымъ образомъ, тотъ душевный надломъ, который съ одной стороны далъ людямъ, сознательно желающихъ новыхъ формъ жизни, а съ другой — хулигановъ, бороться съ которыми мы пробовали одними обязательными постановленіями.

Съ двухъ часовъ ночи до четырехъ мнѣ пришлось нести карауль на главномъ подъѣздѣ. Со мной милостиво поговорилъ старый швейцаръ. Очевидно ему не спалось, онъ и рѣшилъ отвести душу съ солдатомъ. Конечно бесѣда началась съ вопроса: какой губерніи, давно ли служить и т. п. Затѣмъ оханье надъ порядками. Его ужасало, главнымъ образомъ, то, что въ Министерствѣ никого изъ порядочныхъ не осталось. Всѣ лучшіе ушли, а вотъ самая дрянь «шантрапа» осталась и дѣлами хочетъ вертѣть.

«Толку мало будетъ», убѣжденно заключилъ старикъ.

Неволью пришло на мысль, что я еще ни одного защитника большевизма не встрѣтилъ. Вотъ развѣ только моя знакомая, Ольга Павловна, съ которой я на-дняхъ видѣлся. Она ихъ не ругаетъ, и беззаботно увѣряетъ, что ихъ кафе послѣ переворота стало лучше торговать, и что матросы совсѣмъ не звѣри. Напротивъ такіе забавные. Что то хотять разыграть, какихъ то новыхъ джентльменовъ, но ничего у нихъ не выходитъ. «Неуклюжіе, смѣшные такіе. И знаете! Они насъ стѣсняются. Да, да! Чувствуютъ наше превосходство! Подождите, мы ихъ еще обрауемъ. Вѣдь есть такое русское слово? Нѣтъ, большевики вовсе не страшны. Жить съ ними можно. Николай Владимировичъ тоже говорить» . . .

Николай Владиміровичъ — конный гренадеръ. Въ кафе Ольги Павловны сотрудничаютъ нѣсколько офицеровъ. Посмотримъ, что дальше будетъ . . .

Конецъ ночи я прекрасно проспалъ на деревянномъ диванѣ для курьеровъ, положивъ подъ голову всѣ попавшіеся портфели.

Утромъ явились власти. Тутъ былъ и Обнорскій, съ которымъ я сталкивался въ совѣщаніяхъ. Онъ меня не узналъ. Ждали приѣзда Троцкого. Бывшіе служащіе министерства явились, кажется, только для сдачи дѣлъ. Большевикамъ служить пока согласился одинъ Чельцовъ, зять министра Протопопова.

Изъ роты бѣгутъ. Кто въ отпускъ, кто на комиссію. Но это отчасти хорошо: уходитъ элементъ ненадежный и трусливый, на смѣну же имъ вливаются кадровые преображенцы съ фронта. Комитетъ почти весь исчезъ. Мнѣ пришлось выставить свою кандидатуру и я прошелъ въ члены и предсѣдатели комитета. Кречинъ и Бушъ перекочевали въ полковую канцелярію на должности писарей. Другіе тоже полѣзли. Солдаты обратили на это бѣгство вниманіе и хотять постановить на ротномъ собраніи потребовать ихъ въ строй. Интеллигенты опять провалились въ глазахъ солдатъ. Мнѣ откровенно тоже не нравится это отлыниваніе отъ строя. Какой даютъ примѣръ и вправѣ ли послѣ этого обвинять солдатъ, что они ничего не дѣлаютъ, распустились и жрутъ сѣмечки? А потомъ, неужели пріятнѣе сидѣть въ полковой канцеляріи, чѣмъ въ казармѣ?

Аршанскій, Шутровичъ, Борисовъ и др. усиленно агитируютъ за то, чтобы солдаты подождали Учредительнаго Собранія и не уходили домой. Ихъ увѣщанія

какъ будто имѣють успѣхъ. Во всякомъ случаѣ все больше и больше выясняется группа, которая не уйдетъ.

Начались пьяные погромы. Наши уже разъ напились въ Зимнемъ дворцѣ. Ахъ, эта глупая, фальшивая, полицейская трезвость. Она имѣла только одно послѣдствіе — непреодолимую жадность напиться.

«Во всю!» — какъ говорятъ солдаты, «все время сосало. Вотъ бывало на позиціи зимой, или въ мокроту, сырость, какъ хотѣлось выпить. Не напиться, пѣтъ, зачѣмъ, дай, какъ прежде, чарку, да я тебѣ пятнадцать окоповъ возьму. Эхъ и зачѣмъ эту глупую трезвость ввели. Русскому человѣку и не пить.»

«И придумалъ то — говорятъ — пьяница Распутинъ. Онъ царю шепнулъ, а тотъ и давай и дума тоже.»

«Вѣдь въ прежнія войны пили и побѣждали, а вотъ тебѣ и трезвая война, во какъ закончили. Отъ трезвости и революція пошла.»

«А сколько черти добра испортили. Бывало займемъ какое мѣстечко, али имѣніе, сейчасъ къ погребу караулъ, а потомъ давай выливать. Дорогія вина, медъ въ пруды спускали.»

«Да, напиться бы не мѣшало. Душу отвести.»

Я увѣренъ что солдаты проникнуть во дворецъ. Ихъ не удержатъ. Стыдно, а долженъ соанаться — мнѣ и не хотѣлось удерживать. Вотъ грабить цѣнныя вещи во дворцѣ, осквернять его не пойдуть, а за коньякомъ полѣзуть.

Собираются кучками, перешоптываются. «Говорятъ, винища то сколько» съ искорками въ глазахъ шепчетъ южанинъ, недавно прибывшій съ фронта, «что страсть. И всякаго. Керенскій каждый день по бутылкѣ мадеры высасывалъ» . . . Новая сплетня про Керенскаго. Не даетъ онъ покоя солдатамъ. Все къ нему сведуть.

Повидимому сегодня сдѣлають попытку проникнуть въ винные погреба. Приказано принять мѣры. Меня и еще двухъ солдатъ назначили ночными дневальными у воротъ. Роздали по пяти боевыхъ патроновъ.

Тихая, зимняя ночь. Вчера только выпалъ снѣгъ — такой онъ чистый и гладкій. Небо безъ облаковъ, чуть подернуто легкой бѣлесоватой дымкой. Чувствуется мечтательная ласка Петербургской зимы. Въ такія ночи въ былыя времена тройки позвякивали и петербуржцы первопутокъ справляли. И Милліонная не была такой пустынной, какъ сейчасъ, и такой темной. Свѣтъ только у канавки. Тамъ горитъ одинокій фонарь и костеръ, разведенный красногвардейцами. А дальше въ обѣ стороны темнѣющей рядъ домовъ и черная мгла. Дворецъ чуть замѣтенъ. Ни одного огня въ окнахъ. А внутри? Затоптаный паркетъ, изорванная штыками мебель, рабитые бутылки, расплесканное вино. Здѣсь пиръ былъ яедавнихъ побѣдителей, разгулъ потерявшей узду черни. А вѣдь еще такъ недавно онъ былъ смущающей, пугающей тайной для вѣрнопопдаанныхъ.

«Великій царь, твои чертоги
Смущаютъ бѣднаго раба» . . .

Въ пятомъ часу я опять у воротъ. Якунинъ, котораго я смѣнилъ, сказалъ мнѣ, что нѣсколько солдатъ вышло изъ казармъ, переговорили съ красногвардейцами и ушли по Зимней канавкѣ къ Невѣ. Казалось непонятнымъ, почему они пошли на Набережную. Въ погреба раньше проникали съ площади. Значитъ они пошли не туда. Въ мое дневальство еще нѣсколько нашихъ солдатъ прошло въ томъ же направленіи. Туда же убѣжали нѣкоторые изъ красногвардейцевъ.

Послѣ все разъяснилось. Они проломали окно и рѣшетки съ канавки и проникли въ погреба. Къ утру большинство было пьяно. У дворца гудѣли и шумѣли. Иногда слышались впитовочные выстрѣлы. Въ казармахъ и во дворѣ валялись пьяные. Орала пѣсни, кричали и бранились.

Трезвые старались навести порядок: вязали особенно буйныхъ, спьянѣвшихъ укладывали спать и отнимали вино.

Вечеромъ я былъ во Дворцѣ. Въ подвальныхъ корридорахъ валялись бутылки и всюду виднѣлись мокрые слѣды. Много изроду видно тутъ перебивало. Но погребал . . . вотъ сразу чувствовалось, что было дѣло. Полы были залиты виномъ — въ особенности въ первыхъ корридорахъ — съ краснымъ виномъ и мадерой выдержки 1913—1914 гг. Мнѣ объяснили, что не разбираюсь въ названіяхъ, грабители разбивали бутылки, чтобы узнать, какое это вино. Искали все водокъ и коньяку. Масса крѣпкихъ напитковъ была захвачена матросами, погружена и куда-то увезена.

Винные погромы разрастаются. Въ пьяницъ стрѣляютъ, а они все таки лѣзутъ и грабятъ. Большевики видятъ въ этомъ козни контръ-революціонеровъ.

У насъ на винной почвѣ разыгралась цѣлая исторія. Нашъ каптенармусъ Бѣлянинъ, старый преображенецъ и Георгіевскій кавалеръ, возвращаясь на-песелѣ въ казармы, не могъ снести, что красногвардейскіе оборванцы (или, какъ у насъ говорятъ, краснооборванцы) стоятъ съ винтовками. Рѣшилъ ихъ обезоружить. Уже заканчивалъ свои операціи, но тутъ одинъ изъ красногвардейцевъ, воспользовавшись моментомъ неосторожности Бѣлянина, ударилъ его штыкомъ въ животъ и нанесъ тяжкое поврежденіе. На шумъ выбѣжали наши пулеметчики, захватили красногвардейцевъ, жестоко ихъ избили и арестовали. Въ особенности одного. Преображенцы, конечно, ваволновались, устроили собраніе въ залѣ учебной команды, на которое прибыли власти и членъ исполнительнаго комитета совѣта солдатскихъ, крестьянскихъ и рабочихъ депутатовъ, Стецкій. Ласковымъ, вкрадчивымъ голосомъ онъ увѣрялъ, что преображенцы ссорами съ рабочими губятъ революцію, что играютъ въ руку контръ-революціи и становятся врагами народа. Затѣмъ избитый красногвардеецъ демонстрировалъ свои ушибы. Парень искренно плакалъ, рассказываетъ, какъ съ нимъ раздѣлались. Но все это не помогло. Солдаты стояли на своемъ и требовали снятія красногвардейскихъ карауловъ.

Видя такое настроеніе преображенцевъ, предсѣдатель полковаго комитета, Прилипинъ, пошептавшись со Стецкимъ, объявилъ, что вопросъ о столкновеніи передать лучше всего на обсужденіе полковаго комитета при участіи представителей отъ красногвардейцевъ и отъ 10-ой роты.

Засѣданіе было назначено въ часъ дня. Отъ 10-й роты былъ командированъ я, причемъ рота уполномочила меня добиваться снятія караула и преданія суду красногвардейца, ранившаго нашего каптенармуса. Но я жестоко провалился. Не появивъ и не учтя, что переносъ дѣла въ комитетъ былъ сдѣланъ исключительно въ цѣляхъ его провалить, я, поощренный успѣхомъ на собраніи, взялъ сразу тотъ же обвинительный и рѣзкій тонъ. Ну мнѣ и попало. Прилипинъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ со Смольнымъ и имѣлъ въ комитетѣ много единомышленниковъ, получавшихъ оттуда субсидіи. Они теперь всѣ на меня и обрушились. Не только не прошли мои предложенія о преданіи суду красногвардейца и снятіи карауловъ, но былъ поднятъ вопросъ о привіятіи мѣръ противъ «господъ», которые стараются сѣять рознь между солдатами и рабочими. Къ концу засѣданія пріѣхалъ Луначарскій и сообщилъ «товарищамъ преображенцамъ», что Австро-Венгрія приняла совѣтское предложеніе о заключеніи мира безъ аннексій и контрибуцій. Это была ложь, но комитетъ аплодировалъ и былъ очень доволенъ.

Наши остались недовольными исходомъ дѣла и ворчали. Это настроеніе не осталось секретомъ для верховъ и постепенно стало арѣтъ намѣреніе о смѣнѣ президіума полковаго комитета. Поводы къ этому были еще и другіе: какія то подозрительныя комбинаціи съ полковыми свиньями и продуктами.

Ко мнѣ какъ-то подошли члены полковаго комитета отъ пулеметной команды и сказали, что они будутъ проводить меня въ товарищи предсѣдателя, а въ предсѣдатели канитана Путилова. Скоро состоялись выборы и мы оба прошли, измѣнился и составъ

самого комитета. Прошло нѣсколько прапорщиковъ — ярыхъ противниковъ большевизма. Мы скоро всё спѣлись.

Путиловъ мнѣ нѣсколько разъ уже намекаетъ, что есть группы, ставящія себѣ цѣлью сверженіе большевиковъ вооруженной силой. Очевидно, онъ хочетъ узнать мои намѣренія. Я откровенно высказалъ свои взгляды. Онъ увѣрилъ меня, что дѣло серьезное, и что онъ уже нѣсколько разъ имѣлъ свиданіе съ однимъ военнымъ аташе. Свиданія эти происходили въ ресторанѣ Дононь, кабинетъ No. 17.

Послѣ одного изъ засѣданій полкового комитета, онъ просилъ меня зайти къ нему. Тамъ я засталъ трехъ семеновцевъ: Максимова, Корифельда (кажется, сотрудникъ «Сатирикона») и еще одного, фамилія котораго у меня не осталась въ памяти. Былъ еще одинъ человекъ. Онъ сидѣлъ отдѣльно на диванѣ, не снимая своей дорогой шубы. Я принялъ его за близкаго знакомаго Путилова. Впослѣдствіи я узналъ, что это былъ Филоненко, бывшій главный комиссаръ фронта при Керенскомъ.

Вопросъ шелъ о готовности полковъ къ выступленію противъ большевиковъ. Я мало принималъ участія въ разговорѣ. Бесѣда продолжалась недолго. Скоро семеновцы и я ушли. Путиловъ съ Филоненко видимо собирались куда-то ѣхать, такъ какъ у воротъ стояла наша полковая выѣздная лошадь, которой пользовались командиръ полка и предсѣдатель комитета.

На дняхъ мнѣ Путиловъ сообщилъ, что повидимому въ распоряженіи социалистовъ-революціонеровъ никакихъ организованныхъ силъ не имѣется. «Они предложили мнѣ, говорилъ онъ, встать во главѣ противобольшевистскихъ отрядовъ, увѣряя, что въ Петергофѣ есть готовые части къ выступленію. Очередь за Преображенскимъ и Семеновскимъ полками. Когда же я пожелалъ сначала познакомиться съ этими частями и поѣхалъ въ Петергофъ, то тамъ никакихъ отрядовъ не нашелъ.»

Замѣчаю, что среди нашихъ социалисты-революціонеры ведутъ агитацію, но пока успѣха не имѣютъ. Осторожны до трусливости, таинственны и очень туманны въ своихъ планахъ. Все хотятъ дать понять, что они знаютъ какой то секретъ народнаго счастья, котораго у большевиковъ нѣтъ. Все дѣло только въ томъ, что нужно всецѣло довѣриться имъ, социалистамъ-революціонерамъ. А большевики плюютъ на всякіе секреты и таинственности и говорятъ солдату: бери все, что хочешь. И землю, и миръ, и хлѣбъ, а по пути и все, что понравится, по душѣ придется. Конечно, для зауряднаго солдата такая проповѣдь ближе и понятнѣе.

Пусть пока эти двѣ партіи борются. Наша задача объединить и организовать убѣжденныхъ противниковъ большевизма, такіе среди солдатъ есть и ихъ мы не должны уступать ни большевикамъ, ни социалистамъ-революціонерамъ.

Въ послѣднее время произошелъ рядъ столкновеній и интересныхъ событій.

На собраніе полкового комитета явились представители крестьянскихъ депутатовъ и просили дать караулъ въ ихъ клубъ, которому большевики угрожаютъ разгромомъ. Рѣчь держалъ Овчинниковъ. Преображенцы недоумѣвали. Впервые предъ ними всталъ вопросъ: кого же защищать? Раньше было ясно: народъ и пролетаріатъ шли противъ буржуевъ. Ну а теперь? Значитъ брать на брата? Долго волновались. Характерна была рѣчь солдата Маслягина. Онъ говорилъ о томъ, что каждая партія тянетъ къ себѣ солдатскую винтовку, что отъ рѣчей и убѣжденій затуманилась и безъ того темная наша солдатская голова, что Учредительное Собраніе можетъ превратиться въ говорильню, и что въ концѣ концовъ народъ, для котораго вся революція затѣвалась, ничего не получитъ и будетъ такимъ же подвластнымъ, какъ и раньше. Только имена и фамиліи владыкъ перемѣнятся.

Еще болѣе возбужденнымъ прошло собраніе по поводу попытокъ смѣнить нашъ и Семеновскій караулы въ Таврическомъ дворцѣ. Къ концу засѣданія, когда вырабатывалась резолюція о неправомѣрности этихъ попытокъ, прѣбѣжалъ изъ Таврическаго

дворца преображенецъ съ извѣстіемъ, что караульный начальникъ по распоряженію Подвойскаго арестованъ, и что для смѣны караула вызваны финляндцы. И дѣйствительно скоро мы увидѣли финляндцевъ съ оркестромъ, ааворачивающихъ съ Кировичной къ дворцу. Слѣшно туда командировали Щетинина, Войцека, Иванова и меня. Мы пробрались съ преображенцемъ изъ караула ко дворцу съ Кировичной черезъ паркъ, смутили своимъ появленіемъ часового семеновца и до прихода финляндцевъ уже были въ кабинетѣ у Подвойскаго. Онъ началъ было съ приказанія, чтобы мы удалились, но мы твердо заявили, что не уйдемъ, пока не получимъ всѣхъ необходимыхъ данныхъ для доклада полковому комитету, сюда насъ пославшему. Комиссару по военнымъ дѣламъ пришлось уступить, и онъ, удаливъ всѣхъ постороннихъ изъ комнаты, повелъ съ нами «товарищескую» бесѣду. Много неспрıntныхъ словъ ему наговорилъ Войцекъ. Въ результатѣ финляндцы ушли домой, вопросъ же объ арестѣ караульнаго начальника былъ рѣшенъ отрицательно. Комитетъ послѣ нашего доклада вынесъ еще болѣе рѣзкую резолюцію, указывающую на незаконность дѣйствій Подвойскаго.

Какъ-то надняхъ меня вызвала В. В. Ш. Ея братъ, бывший преображенецъ сидѣлъ въ Кронштадской тюрьмѣ. Она принимала мѣры къ его освобожденію и теперь только нужно было, чтобы за него поручился полкъ, и тогда онъ на свободѣ. Мы это быстро устроили: наша рота и команда конныхъ развѣдчиковъ дала свои поручительныя грамоты, написали командировочный мандатъ Шутровичу и онъ въ два дня добился освобожденія Б. В. Ш.

«Теперь мы начнемъ дѣйствовать», заявилъ мнѣ К. «Штабъ нашъ будетъ въ экономическомъ клубѣ. Первое — нужно удалить изъ комитета Путилова.»

«Почему?»

«Онъ держится ориентации на социалистовъ-революціонеровъ. Б. В. достанетъ средства. Мы уже ведемъ переговоры съ центральнымъ комитетомъ партіи народной свободы и представителемъ Кривошеина И. И. Т. Приходите къ намъ сегодня на Таврическую. Тамъ вы увидите очень интересную личность. Присмотритесь внимательнѣй.»

Личностью этой оказался Филоненко.

Говорили о выступленіи. Б. В. предлагалъ рѣшительныя мѣры. Павловскій полкъ спонтъ, въ Литовскій пустить проститутку, кого подкупить и т. д. Но на это на все нужны деньги. Слѣдовательно прежде всего и необходимо прпринять шаги въ этомъ направленіи. Нашъ полкъ трактовался, какъ несомнѣнный сторонникъ выступления. Эта увѣренность меня нѣсколько смущала. Но я подумалъ, что К. и В. Б., можетъ быть, лучше меня знаютъ настроеніе перваго батальона. Нужно провѣрить.

Почти каждый день захожу въ клубъ. К. настроенъ очень оптимистически. Увѣряетъ, что управленіе почти сформировано: В. Б. что-то въ родѣ диктатора, К. при немъ адъютантомъ, далѣе еще рядъ назначеній . . .

Смотрю я на его исхудалое, блѣдное лицо, большіе черные воспаленные глаза, на эту постоянную нервную жестикуляцію и думаю: «Больной ты, нервный человекъ. И зачѣмъ такъ много и быстро говоришь. Передохни и одумайся.»

Да, несомнѣнно всѣмъ намъ нужно одуматься и передохнуть. Ужъ очень быстрый аллюръ сразу взяли.

Опять столкновеніе. Наши и семеновцы начали издавать газету «Сѣрая шинель». Она не понравилась Смольному и теперь большевики хотятъ захватить редакцію. Наша рота выставила карауль. Послѣдовалъ запросъ: на какомъ основаніи онъ выставленъ. А одинъ солдатъ Смородиновъ даже увѣрилъ, что караулу платятъ и что деньги отъ буржуевъ. Смородинова заставили замолчать, а относительно караула рѣшили, что если находится желающіе его нести, то это ихъ дѣло. На этомъ же заседаніи вырабатывались и обсуждались лозунги, съ которыми долженъ выступить

полкъ предъ Учредительнымъ Собраніемъ. Говорили, конечно, о землѣ, волѣ, мирѣ, а Зюзя внесъ предложеніе о націонализаціи банкковъ. Этотъ человекъ умѣлъ убѣждать. Всегда говорилъ улыбаясь и съ шуточками. Такъ и теперь, онъ многихъ сбиль съ толку, и назрѣвало опасеніе, что предложеніе будетъ принято. Я это замѣтилъ по выкрикамъ и выраженіямъ лицъ. Тогда я пустился на хитрость. Попросилъ слова и заявилъ, что я присоединяюсь къ заявленію товарища Зюзи, только для меня вѣсно: Какихъ банкковъ? Русскихъ только или и иностранныхъ, дѣйствующихъ въ Россіи?

Начались безтолковыя превія. Въ концѣ рѣшили націонализировать всѣ бавки.

Тогда я опять поставилъ вопросъ: «А какъ вы полагаете, иностранцы, напримѣръ, нѣмцы, такъ и согласятся на это и скажутъ: если хотите насъ разорить, то пожалуйста, мы ничего противъ не имѣемъ.»

Зюзя качалъ головой и улыбался.

«Ну такъ какже?»

«Не надо о банкахъ.»

Пошла полоса митинговъ. Приближается день открытія Учредительнаго Собранія. Партіи стараются во-всю. На нашихъ собраніяхъ обыкновенно выступаютъ социалисты-революціонеры и большевики. Я былъ отъ преображенцевъ на митингѣ у семеновцевъ, предсѣдательствовалъ у насъ на митингахъ и пришелъ къ заключенію, что наши начинаютъ окончательно обалдѣвать, и въ этомъ виноваты эсъ-эры. Свачала позиція была ясна, Учредительное Собраніе необходимо для авторитетнаго закрѣпленія завоеваній революціи и окончательнаго разрѣшенія всѣхъ основныхъ вопросовъ народной жизни. Это солдаты понимали и этого желали. «Скажетъ Учредительное Собраніе и баста. Никакихъ разговоровъ, тогда и порядокъ будетъ.» Такъ на этомъ они и стояли и заявляли о своей готовности защищать Учредительное собраніе.

Большевики же увѣряли, что Учредительное Собраніе не нужно, и безъ его штемпелей народъ все получить. Штемпеля — это лишь проволочка, да еще какая, вѣдь въ Учредительное Собраніе попали люди, противъ которыхъ мы боролись, которыхъ свергали оружіемъ. Развѣ Керенскій туда не попалъ? Развѣ онъ тамъ не будетъ тявуть ту же кавитель? Тогда для чего же мы старались, проливали кровь? Опять быть въ дуракахъ и ждать? Учредительное Собраніе лишь подмѣна воли народной. Выходитъ, что оно скажетъ, т. е., Керенскій, кадеты и другіе буржуи, и конецъ. Народъ же молчи.

Чтобы разбить эти доводы, эсъ-эры на послѣднихъ митингахъ выдвинули понятіе о референдумѣ, объ обращеніи къ народу въ случаѣ, если Учредительное Собраніе пойдетъ по пути, неуголному народу. Ово, какъ заявилъ эсъ-эръ Поповъ, не собирается узурпировать волю народа, а поможетъ волѣ этой правильно выявиться. Роль его — разработать законы.

Вотъ тутъ солдаты и обалдѣли. «Что же, коли какой законъ не понравится, то будутъ всю Россію опрашивать. Вотъ волюнку то заведутъ. Тутъ земли и до второго пришествія не получишь.»

Социалисты-революціонеры явно проваливались. Да и съ внѣшней стороны они уступали большевикамъ. Эти, какъ говорится, жарили во-всю, лгали, все обѣщали и орали до-хрипоты.

Эсъ-эры же больше ныли. И обязательно, почти каждый ораторъ начивалъ съ того, что онъ былъ на каторгѣ, или въ тюрьмѣ при царскомъ режимѣ. Буревой даже такъ увлекся, что выходило, что онъ шести лѣтъ уже сидѣлъ въ тюрьмѣ.

Наши рѣдко выступали, но за то всегда удачно. Принципіальныхъ вопросовъ они не затрагивали, а пользовались опрометчивыми и противорѣчивыми заявленіями большевиковъ и этимъ ихъ били.

Памятенъ послѣдній митингъ наканунѣ открытія Учредительнаго Собранія. Ждали Чернова, но онъ не пріѣхалъ. Меня поразила рѣчь сибирскаго депутата, на другой день убитаго красногвардейцами на Марсовомъ полѣ. Овъ какимъ то аловѣщимъ, проникновеннымъ шопотомъ закончилъ свою рѣчь словами: «сегодня страшная

ночь, преображенцы, отъ васъ русскій народъ многого ждетъ»; я замѣтилъ по нѣкоторымъ лицамъ, что эти слова произвели впечатлѣніе. Напрасно большевикъ Шубинъ пытался вышутить этого оратора, сравнивъ его съ Керенскимъ, который тоже все пугалъ и даже нѣсколько разъ предлагалъ стрѣляться и перейти черезъ его трупъ, а самъ въ критическую минуту преспокойно удралъ. Впечатлѣніе не разсѣялось. Я и сейчасъ помню это лицо — большое, сѣро-блѣдное, съ длинными прямыми волосами и большой русой бородой. Лицо склоненно-протянутое къ слушателямъ съ застывшимъ жестомъ правой руки и этотъ предсмертный шопотъ. Что чувствовалъ въ ту минуту этотъ трагически погибшій за свободу народа человекъ? Можетъ быть уже видѣлъ вѣяніе смерти надъ своей головой и гибель великаго освобожденія. Была полная тишина. Всѣ какъ то сразу насторожились. Что, еслибы тогда они знали, что завтра эта голова будетъ раздроблена винтовочнымъ залпомъ и мозги будутъ валяться растоптанными, смѣшанными съ грязью на Марсовомъ полѣ? Не дрогнули бы ихъ сердца еще болѣе и не зажглись бы желаніемъ подвига и служенія великому дѣлу? И какъ знать! Не пошли бы ли они за нимъ?

Въ концѣ митинга, когда большинство уже разошлось, какіе то лѣвые эсъ-эры хотѣли навязать новую резолюцію въ большевистскомъ духѣ, въ отмѣну райѣ принятой нашимъ полкомъ и оглашенной въ печати. Напрасно я убѣждалъ оставшихся, что они не вправѣ этого дѣлать, что прежняя резолюція прошла черезъ роты и команды и что только этимъ порядкомъ можетъ быть принята новая. Лѣвые ораторы брали верхъ, аргументируя ссылками на то, что настоящее собраніе столь же правомочно, какъ роты и команды вмѣстѣ ваятыя, и предлагали провѣрить, отъ всѣхъ ли частей полка есть представители. Преображенцы ужъ начали выкрикивать, что отъ всѣхъ. «Я отъ пятой» . . . «Я изъ девятой» . . . Чувствую, что дѣло проиграно. Студентъ, лѣвый эсъ-эръ уже началъ читать предлагаемую резолюцію. Миѣ оставалось одно, я это и сдѣлалъ: взявъ свою панаху, бумаги и ушелъ изъ собранія. Криковъ я не послушался, а остановить силой никто не захотѣлъ.

Я шелъ по пустыннымъ, вымершимъ улицамъ столицы. Зима была во-всю. По новому стилю уже январь. Стояли свѣтлыя лунныя ночи. Слегка морозило, сыро-противно морозило. Вѣтерокъ всюду загонялъ холодокъ. Хотѣлось въ уютъ, тепло.

На углу Фонтанки меня кто-то окликнулъ. Смотрю, бѣжитъ за мной какая то сѣрая шинель.

«Фу, чортъ, усталъ. Ты откуда?»

«Съ митянга.»

«Ну, что опять товарищи грызались? И когда эта сволочь замолчить.»

Я вспомнилъ увѣренія К. относительно полка и рѣшилъ провѣрить. Войцекъ командовалъ второй ротой и, конечно, зналъ о настроеніи перваго батальона.

«Какъ у васъ въ батальонѣ?»

«Хочешь знать — выступать ли завтра?»

«Нѣтъ, не то, миѣ вообще интересно настроеніе батальона.»

«А понимаю . . . У насъ много дѣльныхъ солдатъ, но они скоро разбѣгутся по домамъ. Вотъ, если имъ платить.»

«Ахъ, опять деньги» . . .

«Да, да, безъ денегъ ничего не выйдетъ. Ужъ время такое. Или деньги, или такое . . . явное сочувствіе. Общій крикъ: вы наши спасители, п цѣфты, улыбки» . . .

Я засмѣялся.

«Что ты? Я правду говорю. Большевики этимъ и берутъ. Посмотри на Прилицина. Откуда у него деньги, брилліантовое кольцо? Отъ свиней нашихъ немного нажилъ. Или у Спицына. Вотъ этотъ поганый трусъ теперь дѣлами вертитъ, а передъ первымъ боемъ сумасшедшимъ представился. Его въ обозъ отправили. Разстрѣлять бы гадину надо. Все миядальничали. Такъ вотъ у нихъ деньги. Придутъ они въ Смольный, или куда въ другое мѣсто къ большевикамъ — свои люди, къ нимъ внимательны, ласковы. Товарищи . . . И коммунистки руки жмутъ. А у насъ? Куда

мы можемъ, къ кому пойти? Мы все еще въ черномъ тѣлѣ. Все еще должны для кого-то работать. Опротивѣли миѣ наши высшіе классы. Гроша мѣднаго не хотятъ собрать для общаго дѣла. И настоящаго, искренняго сочувствія нѣтъ, единенія настоящаго. Такъ, использовать хотятъ. А потомъ опять на черную работу. Въ околоточные ступай. Ты знаешь, я въ Москвѣ былъ околоточнымъ. Я тогда тоже чувствовалъ, что теперь. Служишь, жертвуешь собой, чтобы атимъ хорошо и безопасно жилось, — онъ показаль рукой на большой домъ, мимо котораго мы проходили — а они тебя презирають, считаютъ оскверненіемъ руку подать, да что . . . тебя же травять, моль, свободѣ мѣшаешь. Вотъ я сегодня былъ у нашего рыжаго въ клубѣ. Сидять, ѣдятъ, пьютъ, въ карты играютъ и ждутъ, когда мы большевиковъ свергнемъ. А чтобы . . .

Онъ вдругъ рѣзкимъ движеніемъ схватилъ меня за плечо.

«Смотри, смотри, что ато?»

Мимо насъ тихо проѣзжали простыя дровни. Я недоумѣваль.

«Развѣ не видишь?» шепталъ надъ моимъ ухомъ Войцекъ. Я испугался его лица — поблѣднѣвшее съ остановившимися, расширенными полными ужаса глазами. Луна бросала свѣтъ прямо на него.

«Не видишь? Да вѣдь это ноги торчатъ изъ подъ рогожи. Онъ трупы веаетъ. Растрѣлянные.»

Мужикъ беззаботно посвистывилъ на лошаденку. Ова еле плелась. А изъ подъ рогожи дѣйствительно торчали ноги, труповъ было нѣсколько. «Фу, чортъ» тяжело и глубоко вздохнулъ Войцекъ.

«Какъ дохлую скотину возять. Ну и времена!»

Не знаю почему, но у меня тогда явилась мысль, что Войцекъ будетъ разстрѣлянь.

Путиловъ сказался больнымъ и миѣ пришлось дежурить въ комитетѣ въ день открытія Учредительнаго Собранія и исполнять обязанности предсѣдателя. Послѣ пришелъ Путиловъ, но въ должность не вступилъ. Въ комитетѣ все время оставались я и комиссаръ полка Хазовъ. Приходили депутаціи отъ эсъ-эровъ членовъ Учредительнаго Собранія и просили полкъ выступить на защиту народа и собранія. Говорились громкія рѣчи, и дѣлались кѣмъ то подозрительныя попытки вывести полкъ на улицу. Такъ къ намъ нѣсколько разъ звонили, что Семеновскій полкъ уже выступилъ и ведетъ бой съ латышами, а въ Семеновскій сообщали, что Милліонныя казармы окружены тѣми же латышами, а у Кирочныхъ идетъ перестрѣлка съ красногвардейцами и литовцами. Я все время держаль телефонную связь съ адъютантомъ Семеновскаго полка, и всякій слухъ мы провѣряли. Къ концу дня установили живую связь съ Семеновскимъ и 9-мъ запаснымъ кавалерійскимъ полками, а затѣмъ съ 14 Донскимъ.

Къ вечеру въ комитетъ пришли Котельниковъ и еще одинъ преображенецъ-большевикъ, фамиліи не помню, и начали въ шуточныхъ тонахъ рассказывать о происшедшихъ столкновеніяхъ манифестантовъ съ красногвардейцами.

«И шли то все буржуи, чивовники Ну и попало.»

«Зачѣмъ врать», рѣзко оборвалъ Котельникова вошедшій Климовъ. Съ нимъ былъ и Аршанскій. «Никакихъ буржуевъ тамъ не было. Мы съ Аршанскимъ все время тамъ были. Народъ, простой русскій народъ и нашу интеллигенцію разстрѣливали. Вотъ ту, которая рабочихъ и народъ просвѣщала. Вотъ кого. На углу Знаменской и Кирочной простую дѣвушку подстрѣлили. Горпичная, или работница. За что убили, кому она угрожала? А вы тутъ что говорите? Стыдно сознаться, что своихъ убили. Эхъ, вы . . .»

«Надо же имъ людей морочить. Это имъ приказали.»

«Кто намъ приказаль?»

«Кто? Смольный.»

«А ты его не слушаешься?»

«Зачѣмъ ему слушаться? Онъ православный.»

Аршанскій вспылить: «что? ты намекаешь, что я еврей. Да я еврей, но я свободный еврей, и подошвъ Троцнаго лизать не буду. А вы уже лижете и будете лизать. Вы холопы, рабы, а главное тупые, оболтавные люди. Развѣ вы можете быть иными?»

«Ну, ну потише!»

«Что? Хотите стращать. Не запугаете.»

«Какой храбрый. Не хуже Столынина.»

Котельниковъ, отшучиваясь, искалъ сочувствія, но сторонниковъ себѣ тогда онъ не нашель.

Я слушалъ этотъ споръ и думалъ: вотъ во что вылилась давнишняя мечта всѣхъ нашихъ свободолюбцевъ объ Учредительномъ Собраніи. Толпа, идущая привѣтствовать это собраніе, растрѣливается не царскими полицейскими, а русскими рабочими и народъ молчитъ и не встаетъ на защиту своихъ избранниковъ. Какая же дѣла этому народу и какое у него можетъ быть будущее?

Путиловъ ушелъ изъ предсѣдателей. По указанію изъ штаба мы провели Войдека. К. по-прежнему настроенъ оптимистически. Еще съ кѣмъ то завязалъ сношенія. Бранить Путилова и Филопенко. Я понялъ, что они мѣтаютъ получить денежные средства отъ одного представителя военной и иностранной миссіи. К. даже сказалъ, что противъ Путилова придется принять мѣры. Послѣ я узналъ, что къ Путилову являлось нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ Панютиныхъ, и угрожая браунингами, заявили, что если онъ будетъ мѣшать дѣлу, то съ нимъ покончатъ. Я начинаю опасаться, что штабъ взялъ не вѣрный курсъ. Рѣшилъ, что буду содѣйствовать дѣйствительно продуманнымъ и разумнымъ мѣрамъ и въ тоже время продолжать свою работу. Я себѣ намѣтилъ планъ дѣйствій. Работа должна сводиться исключительно къ объединенію противниковъ большевизма. При этомъ никакихъ партійныхъ программъ, никакихъ реставраціонныхъ затѣй. Цѣль одна, — если представится воаможнымъ, — взять власть въ солдатскія руки и установить порядокъ. На это солдаты могутъ пойти. Имъ не чужда мысль, что пора винтовки для себя использовать. Практически я предлагалъ установить связь между полками и создать объединенный органъ изъ представителей полковъ съ постояннымъ предсѣдателемъ. Этотъ объединенный органъ — войсковой комитетъ — и взялъ бы власть въ свои руки, еслибы удалось. Съ переходомъ къ нему власти, возстановливаются временно всѣ министерства и учрежденія, во главѣ которыхъ назначаются временно-управляющіе изъ болѣе дѣятельныхъ служащихъ. Общественныя организаціи обязательно запрашиваются о всѣхъ кандидатахъ на мѣста управляющихъ министерствами. Самъ же войсковой комитетъ остается лишь органомъ наблюдающимъ и охраняющимъ порядокъ. Его роль намъ казалась лишь временной. Въ душѣ мы думали, что логически придется къ воевой диктатурѣ, хотя бы даже только скрытой. Кто будетъ диктаторомъ — мы вопроса не поднимали, но всетаки имѣли въ виду два имени изъ военной среды, зарекомендовавшихъ себя какъ во время войны, такъ и въ періодъ развала арміи твердостью характера и государственнымъ чутьемъ.

Въ общемъ это были забавныя мечты, но только этимъ путемъ можно было заинтересовать солдатъ и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые выплыли на верхъ, достигли офицерскихъ чиновъ и другихъ званій.

Скоро завязались сношенія почти со всѣми полками и комитетъ сорганизовался. Въ него вошли пока представители полковъ нашего, Семеновскаго, Финляндскаго, Волынскаго, Петербургскаго и Московскаго. Въ предсѣдатели попалъ я. Собирается было рѣшено разъ въ недѣлю по средамъ у насъ на Милліонной.

Штабъ предлагаетъ сдѣлать: провести Ш. въ помощники командира полка и уговорить преображенцевъ встрѣтить на Николаевскомъ вокзалѣ Патріарха. Это необходимо для полученія денежныхъ средствъ. «Ш. провести — это пустяки», по мнѣнію К., «его преображенцы любятъ.» Онъ съ восторгомъ рассказываетъ, какъ Ш. умѣетъ подтягивать. На дняхъ онъ встрѣтилъ преображенца въ растегнутой шинелі, остановилъ, распекъ, а затѣмъ расцѣловалъ. Солдатъ смутился, сейчасъ же привелъ себя въ порядокъ и вытянулся.

Все это, конечно, очень хорошо. Но насколько я успел подметить, популярность Ш. особенна. Преображенцы его действительно любят, вспоминают, каким он был хорошим командиром, как ругался, но как то шутливо, улыбаясь любят. А вот пойти с ним против большевиков — это еще для них большой вопрос. В глазах их он всетаки старорежимец. А полного возврата к старому они не хотят.

Решили объединиться. Сегодня Ш. обѣдает у Донона в кабинетѣ No. 17 с Лисовым, Плутенко, Войцеком и др., и затѣм устраиваемъ кутежъ всѣмъ прапорщикамъ. Въ кабинетѣ дѣло сошло прекрасно: всѣ обѣщали поддержку въ проведениі Ш. въ помощники командира полка. Относительно же встрѣчи Патріарха было условлено — уговорить преображенцевъ его встрѣтить, но безъ оружія. Къ счастью Патріархъ не пріѣхалъ.

Январь—мартъ 1918 года

Попойкой для прапорщиковъ распоряжался Лисовъ. Устроена она была въ собраніи на Милліонной. Изъ кадровыхъ офицеровъ никого не было.

Застольныя пѣсни, воспоминанія о быломъ, о побѣдахъ Преображенскаго полка настроили всѣхъ патріотично. Вспоминали посѣщенія государемъ полка, его любовь и привязанность къ нему. И чувствовалось, вотъ, вотъ сорвутся слова о желаніи отдать свои силы для возстановленія старой славы. Но пѣтъ, что-то недосказанное чувствовалось въ словахъ этихъ людей, какая то скрытая боязнь. Можетъ быть, боязнь потерять достигнутое. Вотъ они бывшіе солдаты сидятъ въ собраніи, куда раньше не смѣли входить. Сидятъ въ этой стильной билліардной, гдѣ бывалъ государь. Сидятъ, пьютъ спиртъ, запихиваютъ въ ротъ пальцами закуски и при случаѣ рыгаютъ. А вѣдь все герои, рѣдкіе пародные самородки. Новые люди!

Я вспомнилъ прежнее изящество, лоскъ и красоту, здѣсь царившія. Какъ понятно брезгливое негодование кадровыхъ. А безъ этихъ новыхъ людей ничего не сдѣлаешь. Тогда то въ этотъ вечеръ я понялъ, чего они боятся. Лисовъ мнѣ разъяснилъ.

Подъ конецъ пирушки онъ разоткровенничался. Сталъ вспоминать свое прошлое.

«Знаешь, когда я больше всего болѣлъ душой? Вотъ, когда меня государь сдѣлалъ пропорщикомъ. Отъ своихъ то я отсталъ, а туда не приняли. Бывало послѣ парада гг. офицеры къ себѣ въ собраніе, солдаты въ казармы. А я куда? Такъ и не знаю. Обидно было. А разъ! Ты знаешь капитана Н. Ты вѣдь давно въ дружбѣ съ нимъ. Такъ вотъ онъ и поручикъ Ч. какъ то звонятъ ко мнѣ въ Красное, что пріѣдутъ. Я былъ дежурнымъ. Я для нихъ завтракъ приготовилъ, вышелъ встрѣтить. Н. то мнѣ руку подаль, а Ч. нѣтъ. Я такъ и остался съ протянутой рукой. При солдатахъ это. Такъ вѣришь ли? Я ночью плакалъ, какъ ребенокъ. Я? Ты видишь, я какой?»

Онъ ударилъ въ свою могучую грудь.

«Я, который ничего не боялся. Спроси солдатъ. Руку въ бояхъ потерялъ. Готовъ эту послѣднюю отдать. Но чтобы Ч. не было. А думаешь, это будетъ? Переродятся они? Поймутъ насъ, подойдутъ къ намъ? Вотъ теперь? Ты думаешь, я и вотъ всѣ они пойдемъ за рыжимъ? Онъ тогда намъ — мнѣ, Плутенко, Войцеку обѣщаль . . . тамъ въ кабинетѣ полковничьи чины. Дадутъ? Не вѣримъ. Да и кто дастъ? Да если и дадутъ, то все же я Лисовымъ останусь, и чувствовать это придется. О! чувствовать они умѣютъ давать. Такъ за что же мы пойдемъ? Еслибы мы повѣрили, что старому конецъ. Да, тогда. А то можетъ, и изъ квартиръ казенныхъ выгонятъ и опять въ черное тѣло.»

Я его успокаивалъ, увѣряя, что о поворотѣ къ старому никто не думаетъ. Но онъ видимо мало мнѣ довѣрялъ.

Но все таки какъ же разсѣять эти опасенія — этотъ вопросъ все время меня занималъ. Ясно, что К. и другимъ нужно на время забыть выдвигать себя впередъ на несуществующіе еще посты, а давать дорогу Лисовымъ. Самимъ же оставаться въ роли

совѣтчиковъ и пезамѣтныхъ руководителей. Хитрость и осторожность должны быть на первомъ планѣ. А потомъ — будущее покажетъ, что дальше дѣлать.

Разрывъ Брестскихъ переговоровъ и новое наступленіе нѣмцевъ. Проходя по Невскому въ казармы, я встрѣтилъ у Казанскаго собора офицера съ кокардой и шпорами, продающаго газеты. Позвякивая шпорами онъ выкрикивалъ: «движеніе нѣмцевъ на Петроградъ.» Помнится, добавлялъ даже слово: «успѣшное». Весело, бодро такъ покрикивалъ. А у казармъ плачущая русская простая женщина. «Зачѣмъ моего взяли? Онъ не на учетѣ! А взяли. А кто на учетѣ, тѣхъ не вняли», причитывала она. «Да онъ самъ записался.» «Да, когда раастрѣломъ грозили.» «Ну, плачь, плачь. Ничего. Поплачешь и пройдетъ.»

Кто же правъ — офицеръ съ кокардой и шпорами или этотъ красноармеецъ - доброволецъ? Кому изъ нихъ исторія и грядущія поколѣнія поставятъ плюсъ и минусъ?

У насъ въ помѣщеніи четвертой роты большевики открыли вербовочный пунктъ для красной арміи. Поступаетъ все молодежь. Ее одѣваютъ и необученной посылаютъ на фронтъ. Какіе же они защитники Россіи? Прямо жаль ихъ.

Вотъ они идутъ, какъ ни какъ на защиту страны, а интеллигенція (не вся конечно) ждетъ съ нетерпѣніемъ прихода нѣмцевъ. Мой сослуживецъ по сенату, баронъ К. какъ-то сообщилъ мнѣ, какъ самую радостную вѣсть, что нѣмецкая оккупация Петербурга рѣшена и что нѣмцы первымъ долгомъ обязательно воастановятъ сенатъ. Злорадничали также и нѣкоторые офицеры: «Теперь попробуютъ нѣмецкой палки. Будутъ подъ каблукомъ оберъ-лейтенантовъ.» Что это? Я отказываюсь понимать. Временное затменіе, или послѣдняя степень вырожденія.

Слухи о быстромъ продвиженіи нѣмцевъ растутъ. Сегодня ночью какой то большевикъ пріѣхалъ на автомобилѣ изъ Пскова и клялся, что Псковъ занятъ горсточкой нѣмцевъ. «Одна рота преображенцевъ и ихъ бы прогналъ. Красная же армія бѣжитъ.»

Я раабудилъ девятую роту, говорилъ имъ о положеніи вещей, но ихъ это мало тронуло.

Пріѣзжалъ Подвойскій, уговаривалъ преображенцевъ выступить. Сейчасъ вызываетъ къ себѣ командира полка, комиссара и предсѣдателя комитета.

Онъ просилъ насъ откровенно сказать: выступить ли полкъ?

«Весь нѣтъ, но если бы вы позволили намъ образовать отрядъ изъ добровольцевъ и демобилизовать уставшихъ отъ войны, то мы бы быстро намъ дали боевую единицу.»

«Разрѣшаю, дѣйствуйте.»

И когда уходили, онъ вышелъ за нами изъ кабинета и, еще разъ насъ удержавъ, сказалъ: «я увѣренъ, что Преображенскій полкъ впишетъ въ свою исторію еще одну блестящую страницу. Когда я у васъ вчера былъ и увидѣлъ стѣны учебнаго зала, всѣ увѣшанныя знаками бывшихъ побѣдъ и походовъ, я былъ подавленъ величіемъ полка и въ тоже время восхищенъ. Да, такъ . . .»

Онъ еще разъ простился и когда пожималъ руку Ш. неожиданно проговорилъ: «вамъ, полковникъ, я хочу предложить отвѣтственное назначеніе.»

Ш. смутился отъ этого неожиданнаго предложенія и самой формы обращенія.

Я вмѣшался: «Нѣтъ, товарищъ народный комиссаръ. Ужъ если полку суждено будетъ выступить, то мы не отдадимъ вамъ нашего командира. Полкъ пойдетъ только съ нимъ.»

«Ну хорошо, хорошо.»

Ш. благодарилъ меня. Мы всѣ трое, несясь на нашей лошади въ казармы, ликовали. Теперь, такъ сказать, на законномъ основаніи будемъ вышибать изъ полка нежелательный элементъ и принимать своихъ.

Въ комитетѣ я нашелъ боевой приказъ о томъ, что нашъ, Семеновскій, Волынский и Гренадерскій полки должны сегодня же къ 8 часамъ вечера прибыть на Балтійскій вокзалъ и погрузиться. Посадка для остальныхъ полковъ была назначена на Вар-

шавскомъ вѣззалѣ. Приказъ былъ подписанъ Еремѣевымъ. И тутъ же другой приказъ, подписанный Юренинымъ, о немедленной демобилизаціи полка. Рѣшили собрать комитетъ. Засѣданіе было назначено въ 6 часовъ. До этого времени нужно было опросить другіе полки, куда и были командированы члены комитета. Самъ я пошелъ въ штабъ командующаго округомъ. Тамъ я засталъ какихъ то двухъ товарищей и передалъ имъ, что въ 8 ч. не можетъ быть произведена посадка полка. Показалъ два противорѣчивыхъ приказа.

«Чортъ знаетъ что такое. И чего Юренинъ суется. Вы, товарищъ, слушайте нашихъ приказовъ. А мы уже съ Юренинымъ раздѣлаемся. Хоть нѣсколько преобразенцевъ пусть выступитъ. За ними другіе пойдутъ. Лишь бы только можно было слухъ пустить, что вы выступаете.»

Дорогой на Кировскую я обдумалъ положеніе и пришелъ къ выводу, что нужно уговорить полкъ выступить. Натиска нѣмцевъ, конечно, не остановимъ, да мнѣ почему то казалось, что они на Петербургъ и не пойдутъ. Зачѣмъ имъ лѣзть сюда? Выведя нашъ и другіе полки изъ Петербурга, можно будетъ отвести ихъ въ другое мѣсто, на примѣръ, въ Вологду и тамъ еще болѣе объединиться и столкнуться. Было одно для меня ясно, что если мы не выступимъ и нѣмцы столкнутся съ большевиками, насъ демобилизуютъ. Въ душѣ я надѣялся на Лисова и рѣшилъ съ нимъ тотчасъ же поговорить, но къ сожалѣнію опоздалъ: засѣданіе уже началось и мнѣ сразу пришлось выступить съ докладомъ, и не зная, о чемъ тутъ говорилось до меня, я началъ съ призыва выступить на фронтъ. Какъ я ни старался, но по лицамъ видѣлъ, что слова мои никакого впечатлѣнія не производятъ. Я видѣлъ тупые, недоумѣвающіе взгляды, а по временамъ даже враждебные. Нѣкоторые же сидѣли, опустивъ головы, словно имъ было стыдно за меня. «Что то тутъ было», мелькнуло у меня въ головѣ. Оборвалъ свою рѣчь призывомъ. И ни одного хлопка. Провалъ былъ полный.

«Чортъ возьми», думалъ я, «вѣдь долженъ же быть кто-нибудь за меня. Вѣдь я же звалъ на фронтъ! Значитъ игралъ въ руку большевикамъ. И никто не поддержалъ.»

Потомъ то я все узналъ и понялъ. Оказывается, только что предъ моимъ приходомъ выступалъ командиръ полка и заявилъ, что при настоящихъ условіяхъ состояніи полка, онъ считалъ бы для себя тягчайшимъ преступленіемъ вести его на фронтъ. А ему вѣрили и его любили. Конечно, я долженъ былъ провалиться. Я потомъ передалъ свои планы Лисову и Ш., и мы стали готовиться къ выступленію.

Пришлось пережить нѣсколько отвратительныхъ минутъ. Въ послѣднее время, хотя я еще числился предсѣдателемъ ротнаго комитета, въ ротѣ почти не бывалъ. И вотъ за это время большевистски настроенный Смородиновъ, часто бывавшій въ Смольномъ, такъ какъ состоялъ депутатомъ совѣта, успѣлъ вооружить противъ меня нѣкоторыхъ солдатъ. Онъ имъ внушилъ, что я человекъ подозрительный по своимъ убѣжденіямъ. «Зачѣмъ онъ пошелъ въ полкъ?» — спрашивалъ Смородиновъ — «ему 43 года, чиновникъ, никто его не тянулъ, а онъ пошелъ. Теперь къ власти пробрался и вершитъ дѣлами.» Обо всемъ этомъ меня предупредили. Я явился въ роту, созвалъ общее собраніе и прямо обратился къ Смородинову: «Ну въ чемъ же я виноватъ?» Онъ обрушился на меня съ цѣлымъ рядомъ обвиненій. Тутъ было и про подозрительное поступленіе въ полкъ, про стремленіе къ власти, про мое поведеніе во время столкновенія съ красногвардейцами, про исторію съ карауломъ въ редакціи «Сѣрая Шинель» и еще что-то. Во всемъ этомъ виноватъ только я. Онъ оралъ на меня, злобно выпучивъ глаза и сжимая кулаки. Кажется, стой я около него, онъ ударилъ бы меня, но я былъ высоко, на предсѣдательскомъ мѣстѣ, т. е., на паряхъ третьяго взвода и съ уфѣсистымъ звонкомъ въ рукѣ.

Я слушалъ его, оглядывалъ собравшихся и не видѣлъ ни одного сочувствующаго взгляда. Всѣ были противъ. Даже Сухихъ, Шутровичъ, Лукьяновъ, Борисовъ старались не смотрѣть на меня и опускали глаза, когда я оборачивался въ ихъ сторону. Я рѣшилъ разомъ все кончить. Уловивъ моментъ, когда Смородиновъ утомился и сдѣлалъ передышку, я крикнулъ: «Къ власти я не стремился. Это ложь. Четвертый

взводъ долженъ подтвердить, что я два раза отказывался баллотироваться въ комитетъ. Въ товарищи предсѣдателя полковаго комитета я пошелъ по просьбѣ пулеметчиковъ. Они это должны подтвердить. И разъ вы всё теперь не хотите, чтобы я былъ въ комитетѣ у васъ предсѣдателемъ, то я отказываюсь отъ этой чести и ухожу. Объявляю засѣданіе закрытымъ.»

Взялъ предсѣдательскій колокольчикъ, спустился съ наръ и быстро вышелъ изъ казармы. Миѣ что-то вслѣдъ кричали, но я не повернулся и не остановился.

Конечно, я былъ обезкураженъ и подавленъ.

Что же! Значитъ, я ошибся въ солдатахъ. Это сѣрмя, неблагодарныя скотины, продавшіе за сѣмечки родню и свободу. Значитъ всё, кто меня отговаривалъ отъ поступленія въ полкъ, правы?

Я переживалъ отвратительныя минуты . . .

Я на Невскомъ. Смѣшался съ толпой. Повстрѣчались знакомые. Беззаботное, веселое настроеніе. Оказывается, получены достовѣрныя свѣдѣнія, что нѣмцы все-таки оккупируютъ Петербургъ. Это одно изъ условій мирнаго договора. Большевики, конечно, это скрываютъ. Петербургъ будетъ объявленъ вольнымъ городомъ. Ну, а остальная Россія? Это, повидимому, не такъ интересно. Лишь бы Петербургъ зажилъ прежнею жизнью.

Зашелъ въ кафе къ Ольгѣ Павловнѣ. Торговля идетъ во-всю. Она сіяетъ и также весело болтаетъ, кокетничая своими непринужденно-изящными жестами и изгибами. Оказывается — поступила въ комиссаріатъ соціального обезпеченія и какія-то тамъ реформы проводить. Она теперь этимъ также гордится, какъ знакомствомъ съ великимъ княземъ Дмитриемъ Павловичемъ.

Неунывающіе люди. Неунывающийъ городъ. Невскій полонъ. Тамъ вдали догораютъ весенній закатъ. На дома и улицы падаютъ первыя тѣни. Замигали и разгорѣлись гирлянды огней. И еще наряднѣй сталъ городъ. Неужели ему суждено жалкое будущее? Мерзость заустѣнія и гибель всей этой вѣковой красоты? Вотъ куда доскакалъ твой огненный конь, Великій Петръ! Какими геніальными представчлись миѣ эти два памятника! Тутъ вся исторія Императорской Россіи. На площади у Сената молодая, только что воспринявшая страна. Куда она устремится? Какую красоту и мощь выявить? А тамъ въ концѣ Невскаго тоже Россія — но уже другая, перенесшая полицейскій режимъ. Она еще сильна, черноземно-могуча и сдерживаемая сильной рукой, застыла въ упрямой, тупой позѣ. Куда она шагнетъ своей лапищей, если ослабнуть или лопнуть повода? Не раздавить ли она на своемъ пути все красивое и разумное и тихо, тяжело, съ животной тупостью пойдетъ къ своему безславному концу?

«Народъ — богоносецъ!» «Великій страстотерпецъ!» Гдѣ же онъ?

Да, въ этотъ мартовскій вечеръ я переживалъ отвратительныя минуты. Миѣ казалось, что я все потерялъ, что будущее стало безпросвѣтнымъ. Осталось лишь одно — въ нищетѣ и безправіи доживать свои дни. Говорилъ себѣ: «Вѣдь я никогда, ни-разу еще не чувствовалъ себя свободнымъ гражданиномъ, обладающимъ суммой неприкосновенныхъ правъ. Ни разу!»

Что же намъ остается русскимъ, намъ, желающимъ мыслить и работать? Терпѣть, еще смиряться и паходить утѣшеніе въ думахъ о суетности всего земного? Убѣждать себя, что эта жизнь временна, что міръ лишь квартира, и стоитъ ли ее устраивать, отдавать этому всё свои силы и помыслы. Не суета ли это? Не пошлое ли мѣщанство, котораго мы всё такъ боялись. Идеи, идеи на первомъ планѣ. Мечты и устремленія.

Я въ Казанскомъ соборѣ. Смотрю — кругомъ все упавшіе на колѣни люди. Крѣпко, крѣпко прижимаютъ пальцы къ своему челу, словно хотятъ вспомнить все, не забыть излить всё скорби, накопившіяся въ измученной душѣ.

«Азь рекъ. Господи, услыши мя . . .» Нѣжно молится хоръ.

Ахъ, сколько мольбы и слезъ въ этихъ устремленныхъ въ золотую высь глазахъ. Какъ изстрадалась русская душа!

Боже! Неужели Ты не услышишь ихъ?

«Господи, къ Тебѣ прибѣгохъ, научи мя творити Болю Твою . . .»

И это послѣднее желаніе русской души. А какже этотъ безграничный идеалъ: «Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный.» «Будьте сынами Божиими.» Это оказалось не по плечу бѣдному человѣку.

И онъ — жертва вечерняя, «агнецъ Божій, вземлай грѣхи міра», онъ завѣщаль такой идеалъ.

Я вспомнилъ слова Римскаго проконсула: «Его никто не видѣлъ смѣющимся, но часто плачущимъ. Онъ съ длинными вьющимися волосами цвѣта каштана и грустнымъ ваоромъ.»

Спаситель міра! Какая великая жертва. Какія неизмѣримыя страданія.

«Отецъ мой, да минуешь меня чаша сія, если же нѣтъ, то да будетъ Твоя Боля, а не моя.»

Кровавый потъ струился по его лицу. Онъ вернулся къ своимъ излюбленнымъ ученикамъ. А они спали.

Привести себя въ жертву за грѣхи всего міра!

Смотрю на это пригвожденное ко кресту тѣло, съ упавшей на грудь головой, и ужасная мысль сверлитъ мой мозгъ: «Неужели ты не былъ? Неужели только мифъ?»

Какой ужас! Какая осиротѣлая жизнь! Какъ несчастны, безгранично жалки эти молящіеся люди. Мнѣ стало холодно. Я испуганно оглянулся. Служба кончалась, издалека слышалось певнятное торопливое чтеніе. Народъ началъ расходиться. Уже гасли огни. Только предъ распятымъ Богомъ еще горѣлъ лѣсокъ чистенькихъ, бѣленькихъ стволниковъ. Они ласково, несмѣло мигали и тянулись своими огоньками въ высь, тоже моля творца міра о дарованіи милости всеѣмъ плачущимъ и обиженнымъ и примиреніи всякой душѣ скорбящей и озлобленной.

Тревожно спалъ эту ночь. Вѣрнѣе, я не спалъ: забывался на мигъ и тотчасъ просыпался отъ какой то гветущей тоски и сразу же вставалъ мучительный вопросъ: что случилось?

Ахъ, да эта сцена въ ротѣ . . . Силился успокоиться. Зажегъ электричество. Хотѣлъ читать. Нѣтъ, отъ себя вѣрно не уйдешь. Только подъ утро заснулъ. Все плавалъ по какимъ то невѣдомымъ, безбрежнымъ морямъ. Искалъ чего то. Потомъ видѣлъ нашу лошадь. Мы ее дѣтми «Гнѣдухой» авали. Подходила ко мнѣ, скалила зубы и все хотѣла куда то меня тащить. Проснулся успокоеннымъ. Странно, я нѣсколько разъ замѣчалъ, что «Гнѣдуха» мнѣ часто снится предъ переменами въ моей жизни. Увидѣлъ ее и успокоился. Смѣшно, а это было такъ.

Въ роту пришелъ рано, до молитвы и повѣрки. Вошелъ и въ темлотѣ корридора кто-то около меня шмыгнулъ. Еще. Родилась испуганная мысль — не бить ли хотятъ. Невольно опустилъ руку въ карманъ, гдѣ лежалъ револьверъ. Но нѣтъ, слышу несмѣлое привѣтствіе. Здороваются . . . Лукьяновъ, Сухихъ. Они идутъ со мной рядомъ. Другіе подходятъ.

Ну, значить, одумались.

Просятъ собрать роту.

«Да я же не предсѣдатель.»

«Ну, зачѣмъ же! Мы все просимъ остаться. Это Павлушка вчера наерундилъ. Диній онъ. Ему и досталось за это отъ пулеметчиковъ.»

Рота собралась. Смородиновъ конфузливо молчалъ. Пришли изъ пулеметной команды и сразу все повернулось. Смородинову еще разъ пришлось выслушать много рѣзкихъ и непріятныхъ словъ. Онъ несмѣло оправдывался, почти навинялся за вчерашнее. Я все же предложилъ переизбрать комитетъ. Подавляющимъ большинствомъ былъ преизбранъ старый и я остался предсѣдателемъ.

Нашъ штабъ заработалъ во-всю. «Теперь мы возьмемъ въ полкъ надежныхъ бѣлогвардейцевъ», воскликнулъ Ш. И стали вливать. Пополненія шли главнымъ образомъ въ нашу роту и во 2-ую, къ Бойцеку. Условными знаками, по которымъ

мы могли узнать послѣднихъ вербовщиками штаба, были перо и скрипичный ключъ. Показавъ человѣкъ перо, или изрисовавъ ключъ — значить, изшь. Приѣмъ шель успѣшно. Начались строевыя занятія. По корридорѣ 10 роты маршировали, щелкали затворами и стучали прикладами. Однимъ словомъ готовились къ выступленію. А этажомъ выше работали вербовщики красной арміи. И оттуда забѣгали посмотрѣть, что дѣлается въ 10 ротѣ. Стали ходить слухи, что аатѣвается бѣлогвардейская организація. Главнымъ доводомъ служило указаніе на то, что обучаютъ приѣму: на карауль. Раза два въ комитетъ забѣгали Черновъ и Грибасъ — наши большевики и организаторы красной арміи.

«Что это, товарищъ, у васъ организуется?» Я объяснилъ.

«А почему же учатъ приѣму: смирно, на-карауль?»

«Развѣ?»

«Мы сами видѣли!»

«А скажите: этотъ приѣмъ запрещенъ? А какъ-же встрѣчать народнаго комиссара по военнымъ дѣламъ, или главнокомандующаго?»

«Только не командой: смирно, на-карауль. Это старый режимъ.»

По уходѣ ихъ я сейчасъ же написалъ докладъ Подвойскому, что вотъ тогда то вы разрѣшили формировать добровольческій отрядъ для выступленія на фронтъ. Нынѣ отрядъ этотъ сформированъ, а потому ждемъ вашихъ дальнѣйшихъ указаній. Докладъ отвезъ полковой комиссаръ Плутенко. Онъ былъ возвращенъ съ резолюціей Подвойскаго: «Отрядъ немедленно расформировать, какъ неудовлетворяющій требованіямъ, предъявляемымъ къ социалистической арміи.» Намъ только этого и нужно было. Теперь онъ письменно удостовѣрилъ, что отрядъ формировался по его приказанію. Этотъ документъ я взялъ себѣ и спряталъ за голенище.

Распустить мы отрядъ не распустили, а только прекратили строевыя занятія. Принимать добровольцевъ продолжали.

Мои опасенія сбылись. Съ исчезновеніемъ опасности нѣмецкаго наступленія, началась наша ликвидація. Получили предписаніе очистить Милліонныя казармы и передать ихъ особой комиссіи. Постановили очистить пока еще одинъ корридоръ для нуждъ красной арміи. Солдаты уходить не хотятъ и было уже столкновение съ красноармейцами. По этому поводу Лисова и меня вызывалъ Подвойскій. Мы увѣрили его, что дѣлается все, чтобы уговорить солдатъ перейти въ Кирочныя казармы. Подвойскій далъ три дня сроку.

Становится все тревожнѣе. Черновъ и компанія устроили общее собраніе и хотѣли вынести порицаніе комитету за саботажъ въ дѣлѣ очищенія казармъ. На комитетъ лили помоя, даже намекали на прошлое Войцека. Мнѣ пришлось отдуваться за всѣхъ. Меня спасали и поддерживали фельдфебель А. Н. Лебедевъ и Маслягинъ. Послѣдній сказалъ горячую и рѣзкую рѣчь, полную нападокъ на совѣтскую власть. Онъ говорилъ, что никакихъ переменъ для народа нѣтъ, что встали лишь другіе люди у власти, а мы по-прежнему безъ правъ. У царя была гвардія, у Керенскаго бабы батальоны и юнкера, у Ленина и Троцкаго красногвардейцы. А мы опять въ черномъ тѣлѣ. Солдаты ему неистово аплодировали. Представитель изъ Смольнаго заинтересовался Маслягинымъ и дивился, что онъ состоитъ членомъ совѣта солдатскихъ, крестьянскихъ и рабочихъ депутатовъ. Лебедевъ и Маслягинъ спасли комитетъ и предложеніе о порицаніи было провалено.

Войцекъ ушелъ изъ предсѣдателей и комитета. Пришлось мнѣ принять предсѣдательствованіе, хотя я искренно отказывался отъ баллотировки.

Опять приѣзжалъ Подвойскій и снова вопросъ объ очищеніи казармъ. Пока я съ нимъ объяснялся, Сѣмашко и еще одинъ какой-то большевикъ съ испитымъ лицомъ и безцвѣтными воспаленными глазами все время цѣдили сквозь зубы: «нужно рѣши-

тепльнѣй дѣйствовать. Разстрѣлять нѣкоторыхъ для примѣра, дѣло сраазу наладится.» Подвойскій укоризненно качалъ головой и успокаивалъ ярыхъ своихъ сотрудниковъ. Въ концѣ объясненій я предложилъ: «Я не могу рѣако идти противъ воли солдатъ. Власти никакой надъ ними не имѣю. Вотъ гораздо было бы лучше, если бы въ предсѣдатели комитета согласился пойти товарищъ Черновъ.»

«А въ самомъ дѣлѣ! Это идея.»

Черновъ отказывался, ссылаясь на обиліе работы по формированію красной арміи. Я его увѣрялъ, что комитетъ немного у него отниметъ времени. Ему придется давать лишь общія руководящія указанія, а всю работу буду нести я.

«Нѣтъ, вы не имѣете права отказываться» — рѣшительно заявилъ Подвойскій. Черновъ согласился.

Теперь мнѣ оставалось только уговорить членовъ комитета подать за него голоса. Это было не такъ легко. Его презирали солдаты за трусость и ничтожество. Я объяснилъ, почему это нужно сдѣлать. Онъ будетъ лишь фирмой, фактически ему ничего не удастся провести, такъ какъ руководителями дѣла останемся мы. И для солдатъ будетъ ясно, кто ихъ врагъ. Кое-какъ убѣдилъ. Черновъ прошелъ двумя голосами. Непосвященные изумлялись — и негодовали.

Черновъ явился въ комитетъ. Прицѣпилъ какую то кавказскую шашку и надѣлъ огромную папаху. Солдаты переглядывались и улыбались. Попробовалъ председательствовать, но несовсѣмъ удачно. Бѣдный совсѣмъ не можетъ формулировать, да къ тому же еще заикается.

Сославшись, что ему нужно въ Смольный, онъ скоро покинулъ засѣданіе комитета. Я увѣренъ, что онъ больше не явится.

Ш. набросился на меня изъ-за Чернова. Увѣряетъ, что это позоръ для Преображенскаго полка, что теперь онъ потеряетъ кредитъ во всѣхъ общественныхъ кругахъ. Я объяснялъ ему, почему это сдѣлано, но онъ не придавалъ значенія моимъ указаніямъ и вполне опредѣленно потребовалъ переизбранія. Пришлось согласиться. Было внесено нѣкоторыми ротами предложеніе о переизбраніи всего комитета. Черновъ выставилъ свою кандидатуру по музыкантской командѣ, но не прошелъ. Предсѣдателемъ опять попалъ я. Чувствую, что этими перевыборами мы приближаемъ развязку и что Подвойскій теперь поведетъ рѣакую атаку противъ насъ. Я не понималъ политики Ш. Да, если мы готовы и сильны, на разрывъ нужно идти, но вѣдь мы же слабы и не сплочены.

Опять приказъ о демобилизаціи и очищеніи казармъ. Я теряюсь. Штабъ опредѣленныхъ указаній не даетъ. Появился на горизонтѣ Спицынъ. Бѣгаетъ и раскрываетъ контръ-революцію. Всѣ признаки за то, что съ нами расправятся. Въ комитетѣ трется провокаторъ Антипинъ. Удивительно, какъ Ш. довѣрчивъ и не умѣетъ разбираться въ людяхъ. Я на сторожѣ и на всѣ попытки Антипина получить свѣдѣнія о нашихъ планахъ дѣлаю безсмысленно-вопрошающее лицо и обнаруживаю полное пеананіе. Онъ мнѣ нѣсколько разъ скрипичный ключъ рисовалъ и какъ бы невзначай показывалъ лампасъ донскаго казака, а я все недоумѣваю. Онъ, кажется, начинаетъ убѣждаться, что я не въ курсѣ дѣла.

На послѣднихъ собраніяхъ представителей полковъ мы все ставили и обсуждали вопросъ — какъ отнестись къ попыткамъ упраздненія старыхъ полковъ. Представители должны были научить настроенія солдатъ и ихъ отношеніе къ этой мѣрѣ.

Сегодня вопросъ этотъ долженъ получить полное освѣщеніе. Собрались всѣ представители. Явились даже два матроса съ крейсеровъ «Діана» и «Аврора». Были приняты два рѣшенія: требовать сохраненія гвардейскихъ полковъ и дать винтовки той части Волынскаго полка, которая отказалась войти въ составъ V совѣтскаго полка и была разоружена. Отвезти винтовки поручено было Кононову при содѣйствіи

командира перваго батальона Путилова. При провоаѣ винтовокъ произошло столкнове-
неніе съ красноармейцами и каша заварилась. Меня всю ночь разыскивалъ Спицынъ.
Звонилъ, оказывается, на квартиру, въ которой я жилъ, но такъ какъ квартира при-
надлежала не мнѣ, то на его вопросъ — это квартира предсѣдателя комитета — ему
естественно отвѣтила прислуга, что нѣтъ. Такъ онъ ничего и не добился. Прибѣгалъ
въ комитетъ, тамъ меня искалъ. А я черезъ комнату отъ комитета спалъ на писарскомъ
столѣ.

Сегодня во время обѣда въ нашей столовой я былъ арестованъ какимъ то матро-
сомъ по ордеру чрезвычайной комиссіи по борьбѣ съ контръ-революціей и спекуляціей.
Когда меня туда отправляли, ко мнѣ все время приставалъ Антипинъ и шепталъ: «иѣтъ
ли у васъ что-нибудь спрятать и передать.»

Дуракъ. Уже тотъ фактъ, что матросы и Спицынъ позволили ему увиваться
около меня, въ то время какъ другихъ удаляли, долженъ былъ сказать, что провока-
торская его роль слишкомъ ясна.

Я рѣзко ему отвѣтилъ: «спасибо; пожалуйста оставьте меня. Прятать мнѣ не-
чего, переданать тоже. Думаю, что меня сегодня же освободятъ.»

«Вотъ какъ» — растерянно онъ протянулъ. Просидѣлъ я до вечера въ столовой
градоначальника. Самымъ неприятнымъ былъ моментъ, когда служащіе чрезвычайки
блины ѣли. Часамъ къ 5 или 6 явилась депутація преображенцевъ во главѣ съ коман-
диромъ полка и просила допустить ее къ Урицкому. Его не было и имъ пришлось
говорить съ его секретаремъ. Онъ сказалъ, что я обвиняюсь въ принадлежности къ
контръ-революціонной организаціи, и если обвиненіе не подтвердится, то меня вы-
пустятъ.

Въ 10 часу пріѣхалъ Урицкій, сваялъ съ меня допросъ, взялъ подписку о неотлучкѣ
изъ Петербурга и освободилъ. Домой я не пошелъ, а пробрался въ «Дарьялъ». Тамъ
я нашелъ Всеволожскаго, Татищева, Нелидова и Сашу Макарова. Меня напоили,
накормили, а главное — я услышалъ старыя пѣсни и музыку.

Ночевать я отправился къ Татищеву. Въ эту ночь разоружили нашу роту.

На другой день (14 марта) меня вновь арестовали въ казармахъ на Милліонной
и отправили ночью въ Смольный, гдѣ уже сидѣли наши добровольцы. Черезъ два
дня насъ перевели въ Кресты.